

Адриана Мэзер

# СКАЖИ МНЕ, КТО Я



Захватывающий триллер, в котором блестяще сочетаются  
неординарный кинематографичный сюжет, обаятельные  
персонажи и невероятные повороты сюжета.

Карен М. Макманус, автор бестселлера *New York Times*  
«ОДИН ИЗ НАС ЛЖЕТ»

**Адриана Мэзер**  
**Скажи мне, кто я**  
**Серия «Новый**  
**психологический триллер»**  
**Серия «Скажи мне, кто я», книга 1**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=49575588](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49575588)*

*Скажи мне, кто я: АСТ; Москва; 2019*

*ISBN 978-5-17-116169-9*

**Аннотация**

Нояمبر, обычная девчонка из провинциального городка Пембрук, неожиданно для самой себя попадает в новую закрытую школу, удаленную от внешнего мира. В Академии Абскондители нет электричества, телефона и интернета, вместо привычных уроков – занятия по метанию ножей, ядам и искусству обмана, а за нарушение незыблемых правил могут бросить в темницу. Здесь придерживаются архаичной системы наказания «око за око», не заводят друзей и не делятся личными секретами. Вопрос только один: какое отношение имеет она к этому странному месту, где готовят будущих наемных убийц и шпионов?

Но времени разобраться во всем попросту нет: убит один из учеников, и подозрения падают на Нояمبر, как на новенькую. Сможет ли она выпутаться из опасной смертельной игры, в

которую оказалась втянута, прежде чем будет признана виновной в преступлении... или станет следующей жертвой убийцы?

# Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	41
Глава четвертая	55
Глава пятая	72
Глава шестая	92
Глава седьмая	108
Глава восьмая	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

# Адриана Мэзер

## Скажи мне, кто я

*Посвящается моему сыну, Хакстону Вольфу  
Мэзеру, который освещает весь мой мир*

Adriana Mather  
KILLING NOVEMBER

© Adriana Mather, 2019

© Перевод. М. Прокопьева, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

# Глава первая

Меня зовут Ноябрьер Эдли, а родилась я в августе. Если верить папе, тем летом в Коннектикуте выдались на редкость холодные ночи, и в день, когда я появилась на свет, клен возле нашего дома вдруг зарделся, как поздней осенью. Отсюда и мое имя. По рассказам папы, листья так ярко полыхали в лучах утреннего солнца, что вся лужайка перед домом казалась объятай пламенем. Еще он полагает, что отчасти этим объясняется моя страстная любовь к лесу. Не уверена, что одно с другим как-то связано, но мне нравится эта история – как напоминание о том времени, когда мир казался безопасным местом и моей семье ничего не угрожало.

Что касается безопасности – в том числе моей, – то больше всего меня сбивает с толку тот факт, что раньше я об этом даже не задумывалась. Папа, некоторое время служивший в ЦРУ, а ныне – финансовый менеджер, часто упрекает меня в излишней доверчивости и при этом всегда так качает головой, как будто ему трудно поверить в наше с ним родство. Я, естественно, напоминаю ему, что в этом на сто процентов виноват только он, поскольку с самого рождения я жила в одном и том же маленьком городке в окружении одних и тех же дружелюбных людей, от которых опасности не больше, чем от спящих в корзинке котят. Папа возражает: мол, я просто *хочу* верить, что люди по природе своей доб-

ры, а такая позиция, хоть и достойна восхищения, но все же мало соотносится с реальностью. Я спрашиваю: разве легче жить, думая, что все вокруг желают тебе зла? Он отвечает, что в умеренной подозрительности есть здравый смысл, поскольку она помогает подготовить себя к любой возможной опасности. Но до сегодняшнего дня все это были лишь теоретические рассуждения. И если честно, даже вчера, когда папа убеждал меня в том, что нашей семье грозит опасность, я отказывалась верить. Нет, я определенно не чувствовала никакой угрозы – до тех пор, пока несколько минут назад не проснулась в этой средневековой... гостиной?

Я хмурюсь. У стены рядом со мной стоит какой-то человек, по виду охранник. Уставившись в одну точку, он демонстративно игнорирует меня, пока я обследую дверь – разглядываю ее, со всей силы пытаюсь сдвинуть чугунную щеколду и даже наваливаюсь плечом на темное деревянное полотно, но все зря. Задыхаясь от напряжения, осматриваю комнату. В камине полыхает огонь, а мебель, обитая бордовым бархатом, наверное, стоит дороже, чем весь мой дом. Окон нет, и выбраться отсюда можно только через дверь.

– Я знаю, вы меня слышите, – обращаюсь я к охраннику, который пока не удостоил меня ответом ни на один из моих вопросов. Одет он во все черное, включая кожаный пояс и налокотники, и его облачение смотрится куда круче костюма римского гладиатора, в котором я в прошлом году ходила на празднование Хеллоуина. Может, попробовать шелк-

нуть пальцами у него перед носом? Но он на добрый фут выше меня, а руки с накачанной мускулатурой в объёме толще моих ног.

Он продолжает молчать.

Пробую зайти с другой стороны.

– Вы в курсе, что я несовершеннолетняя, так? Вы не имеете права держать меня взаперти в этой... Ну, я так понимаю, это мой новый пансион. Но что же это за школа, в которой учеников насильно держат под замком?

Папа предупреждал, что здесь все будет иначе, но как-то с трудом верится в то, что меня против воли должны запира́ть в комнате без окон.

И тут я слышу, как с другой стороны в замок вставляют ключ. Дверь открывается. Я опускаю руки и разжимаю кулаки. Появляется второй охранник, одетый так же, как первый, и знаком приглашает меня следовать за ним. Я тут же срываюсь с места. На мою беду охранник из комнаты тоже идет с нами, и, вышагивая между ними, я по-прежнему лишена свободы действий.

Охранник впереди снимает с серой каменной стены горящий факел. Осматриваюсь. Электричества нет, сводчатые потолки, тяжелые деревянные двери со щеколдами вместо ручек. Ни за что не поверю, что я все еще в Соединенных Штатах. Это место напоминает мне средневековый ирландский замок, как в документальном фильме, который я однажды смотрела в Интернете. Однако еще труднее верится в



то, что папа отправил меня в Европу да еще сумел бы оплатить такое обучение. Мы с ним почти никогда не покидали Пембрук, а уж тем более штат Коннектикут.

Идем дальше, и я замечаю великолепные настенные гобелены с изображением рыцарей, королевских дворов и кровопролитных сражений. А еще здесь тихо, как на кладбище, не слышно ни людских голосов, ни шума проезжающих мимо машин.

В коридоре прохладно, и я натягиваю рукава свитера на замерзшие пальцы. Понятия не имею, куда делись пальто, перчатки и шарф, в которых я летела в самолете. В комнате, где я проснулась, их не было. Мы проходим под аркой и поднимаемся по лестнице с истоптанными, шероховатыми каменными ступенями. Насчитываю две площадки и три пролета, прежде чем мы останавливаемся перед дверью с железными заклепками. Идущий впереди охранник открывает ее, и я чувствую струю теплого воздуха.

Старомодный кабинет напоминает мне мрачную сцену из фильма о Марии, королеве Шотландии. В комнате нет иного источника света, кроме множества свечей в серебряных канделябрах и рожках, закрепленных на каменных стенах. Окна завешены тяжелыми гардинами, в камине полыхает огонь, наполняя воздух ароматом горящих дров.

За столом, который кажется старинным, стоит высокая, худая женщина. Ее каштановые волосы так туго стянуты в высокий пучок, что от одного взгляда на ее прическу у меня

начинает болеть голова. Думаю, она одного возраста с папой, но чрезмерно строгий вид делает ее старше.

На лице женщины появляется некое подобие улыбки.

– Добро пожаловать в Академию Абскондити. Я директор Блэквуд. Надеюсь, путешествие было приятным?

У нее такой вид и такой голос, что ей невозможно не подчиняться.

– Я вообще не помню свое путешествие, – отвечаю я и смахиваю пылинки с джинсов. От ее взгляда мне становится не по себе. Обнаружив себя запертой в комнате внизу, я поначалу собиралась закатить скандал, но в такой официальной обстановке это как-то неприлично. – В самолете я потеряла сознание и очнулась на диване в... Честно говоря, не понимаю, как...

– В учительской, – говорит она и указывает на кресло перед столом. Из-под ее черного блейзера проглядывают кокетливые кружева белой блузки. Явный диссонанс, который заставляет меня задуматься о том, какова она на самом деле: холодная и чопорная, но хочет казаться дружелюбной, или же добрая и мягкая, но пытается выглядеть суровой. – Некоторое время ты там спала.

– Меня там заперли, – заявляю я, рассчитывая шокировать ее этим известием, но не тут-то было.

Поворачиваюсь, чтобы взглянуть, что происходит у меня за спиной. Оба охранника все еще в комнате, стоят по обе стороны закрытой двери. Непонятно, зачем они здесь: то ли

охраняют директора, то ли стерегут меня, чтобы я не сбежала?.. Скорее всего, и то, и другое.

Блэквуд понимающе кивает, как будто в ответ на мой невысказанный вопрос.

– Охране запрещено разговаривать с учениками. Они могут общаться только с преподавателями и прочим персоналом школы. А теперь, учитывая поздний час, полагаю, стоит обсудить более важные дела. Тебе так не кажется? – Она бросает взгляд на настенные часы из темного металла, похожие на готическую башенку, с оголенными шестеренками.

На часах половина второго, и, судя по пустым коридорам и замечанию о «позднем часе», сейчас, скорее всего, ночь.

– Пойдите... Быть не может... – В растерянности перевожу взгляд с нее на часы и обратно: это что, розыгрыш? Когда мы с папой приехали в аэропорт, было уже за полночь. А заснула я примерно часа через два после этого. – Я что, проспала весь день? Как такое возможно? И почему я не проснулась, когда меня сюда перевозили? Или когда сел самолет?

– Я понимаю, ты сбита с толку. К сожалению, таков побочный эффект, иначе нам не удалось бы доставить тебя сюда без происшествий...

– *Побочный эффект?* – У меня скручивает живот. Пытаюсь найти хоть какое-то объяснение, почему я проспала двадцать четыре часа. – Мне... мне что, наркотик подсыпали? – В голосе прорываются высокие нотки, и я борюсь с нарастающей паникой.

Стараюсь восстановить в памяти, что происходило перед тем, как я отключилась. Последняя ясная картина – я пью в самолете лимонад. Папа, наверное, миллион раз повторял мне, что есть и пить можно только то, что дают проверенные люди, которым я полностью доверяю, и никогда ничего не брать у незнакомых, но отказаться от напитка, предложенного стюардессой, это все равно что отказаться от собственного заказа в ресторане.

Пристально смотрю на Блэквуд, надеясь понять, что происходит, но ее лицо ничего не выражает. И по ее поведению не скажешь, что она возмущена мыслью о том, что мне могли подсыпать наркотик.

Вскакиваю на ноги. Мне хочется бежать отсюда. Вот только я понятия не имею, где я, разве что догадываюсь, судя по тишине, что нахожусь где-то вдали от какого бы то ни было города.

– Госпожа Блэквуд, можно мне позвонить? Я не уверена, что это... Всего на минутку... – Бросаю взгляд на ее стол – телефона, похоже, здесь нет...

– Увы, нет. Нельзя.

– Видите ли, я не сомневаюсь, что это замечательная школа, но...

Она вскидывает руку, чтобы прервать меня, как будто прекрасно понимает, что я сейчас скажу, но в данный момент не намерена меня успокаивать.

– Прежде чем ты покинешь этот кабинет и поговоришь с

кем бы то ни было, тебе следует ознакомиться с установленными здесь правилами и *согласиться* с ними. — Она на мгновение замолкает. — Я также попрошу обращаться ко мне «директор Блэквуд». Мы здесь гордимся нашими традициями.

Я смотрю на нее, в буквальном смысле утратив дар речи. Моя лучшая подруга Эмили подтвердит, что подобное случилось всего раз в жизни.

Блэквуд жестом велит мне сесть.

— Итак, советую тебе успокоиться и слушать внимательно. Сейчас я объясню кое-что из того, что тебя смущает.

Я нехотя сажусь. Папа говорил, что в этой школе мне придется столкнуться со всякими странностями, и, хотя все, что здесь происходит, кажется мне ужасно подозрительным, ему я доверяю. Не стал бы он подвергать меня опасности. Вообще-то я и приехала сюда по его настоянию как раз для того, чтобы укрыться от опасности. Откидываюсь на спинку старого кожаного кресла и поджимаю под себя ногу.

Заметив мою скрюченную позу, Блэквуд вскидывает брови. Она смотрит на меня сверху вниз и выставляет вперед подбородок, словно надеется силой мысли заставить меня выпрямиться.

— Твое внезапное появление здесь было незапланированным. Обычно мы не принимаем новых учеников в середине учебного года, тем более в середине семестра. — Она выжидательно смотрит на меня.

— Благодарю, что сделали для меня исключение... — начи-

наю я, вспомнив о хороших манерах, но звучат мои слова как-то неискренне.

Мне не понравилось произнесенное директрисой слово «принимаем» – как будто я поступила сюда надолго. А ведь папа говорил, всего на несколько недель, пока он не разберется с незаконным вторжением в дом к тете Джо. А потом я вернусь домой, в наш сонный Пембрук, и все снова пойдет по-прежнему.

Блэквуд открывает журнал в черной матерчатой обложке и с шелковой ленточкой-закладкой и пробегает глазами страницу.

– Прежде чем я расскажу тебе об Академии Абскондити и ее учениках, ты должна знать, что здесь существуют три незыблемых правила, которые не подлежат обсуждению. Соблюдать их необходимо всегда, и они распространяются не только на учеников, но и на преподавателей. – Она кладет руки поверх страницы. – Правило первое: ты не должна говорить, писать или каким-либо иным способом сообщать что-либо о своей жизни до поступления в школу. Ни о городе, где ты жила, ни о своих родственниках. Нельзя произносить даже свою фамилию или имена знакомых. Насколько я понимаю, ты очень общительный человек, но я хочу, чтобы ты сразу усвоила: если нарушишь это правило, поставишь под угрозу не только собственную жизнь, но и жизнь своей семьи.

Прищурившись, я спрашиваю:

– Какая опасность может грозить моей семье, когда я здесь? Разве это место не должно быть самым безопасн...

– Я также понимаю, что ты вела довольно беззаботную жизнь, – продолжает Блэквуд, не обращая внимания на мой вопрос и неодобрительно глядя на меня. – Но время это исправит.

Я молчу, потому что пока не до конца понимаю, к чему она клонит, да и не уверена, что хочу это знать. Возможно, она права и я просто сбита с толку, а может, как раз из-за этого разговора я чувствую себя так, словно меня подвесили вверх ногами.

– Второе правило запрещает тебе покидать территорию школы, – продолжает Блэквуд. – Наше учебное заведение расположено в лесу, где полно ловушек. Выходить за ограду не только глупо, но и чрезвычайно опасно.

Я выпрямляюсь. Вот *это* как раз одно из преимуществ, благодаря которым папе удалось меня уговорить. Полоса препятствий, сложные головоломки, метание ножей. Если это жутковатое место сулит мне приключения в духе Робин Гуда, то я, наверное, смогу простить папе свой долгий переезд, а директрисе то, что меня, возможно, накачали наркотиками.

– Что за ловушки? Кому-нибудь удавалось когда-нибудь их обойти?

– Нет. Никогда. – Она говорит так, будто сто раз отвечала на этот вопрос и он изрядно ее утомил.

На мгновение мое внимание привлекает бордово-серебристый герб на стене у нее над головой, под которым написано на латыни: *Historia Est Magistra Vitae*. Не успеваю перевести фразу, потому что Блэквуд вновь начинает говорить:

– Правило третье: за причинение физического вреда другому ученику мы наказываем по принципу «око за око». Все тренировочные бои должны проводиться в классе под наблюдением преподавателя.

Мимолетная радость, охватившая меня при упоминании леса с ловушками, тут же исчезает, и я чувствую, как еще более хмурится мое лицо. Папа говорил, что моя поездка в эту школу – всего лишь мера предосторожности, что ему нужно несколько недель провести с тетей Джо, чтобы разобраться в ситуации, а он не может одновременно присматривать за нами обеими. Он просил довериться ему. Я решила, что он, как обычно, просто перестраховывается, проявляя излишнюю заботу. Но если опасность существует *здесь*, то все это как-то подозрительно. В животе у меня появляется неприятное чувство – не такое, которое накатывает сразу, а что-то вроде скрытой тревоги, которая крепнет в темноте в минуты одиночества.

Снова перевожу взгляд с занавешенных окон на охраняемую дверь.

– Разве это не само собой разумеется... что нельзя наносить людям физический ущерб?

– В последние годы здесь произошло необычайно много



случаев с летальным исходом. Так что нет, не разумеется, – говорит она бесстрастным голосом, как будто сообщает мне о том, что по вторникам в столовой дают тако.

У меня вдруг пересыхает в горле.

– Случаев с *летальным исходом*? Что вы имеете в виду? Что здесь за занятия? От чего именно погибают люди?

Блэквуд смотрит на меня, как на потерявшегося щенка, которого она, однако, не намерена погладить и успокоить.

– Мы предлагаем не обычные занятия, как в других подготовительных школах, а гораздо больше. Академия развивает индивидуальные навыки и умения каждого ученика. Например, метание ножей сводится не только к меткости. Это умение практикуется в движении и под прессингом, то есть в стрессовых ситуациях. Навык обмана оттачивается до такой степени, что не только позволяет различать ложь окружающих, но и самим использовать ее так, что это становится второй натурой. Вместо традиционного изучения языков мы предлагаем обучение акцентам и факультатив по культурным нормам, что позволит тебе путешествовать по разным странам, не выдавая своего происхождения. Учиться в этой школе – *привилегия*, а не право. Здесь преподают лучшие учителя, а учеников мы лично отбираем по всему миру. В школе восемнадцать преподавателей, а ты, Ноябрьер, станешь нашей сотой ученицей. Ученики готовы бороться за каждое место в этой школе, и любому здесь это известно. – В ее голосе звучит предостережение, словно меня выгонят,

если я оступлюсь. – Тебе придется пройти психологическое и физическое обследование, прежде чем мы подберем наиболее подходящие для тебя занятия. – Она откидывается на спинку кресла. Свечи в подсвечнике на столе отбрасывают тени на ее лицо.

«Академия Абскондити – это точно латынь. – У меня в голове роятся разные мысли. – *Абскондити* – от латинского *absconditum*, что значит «скрытый» или «тайный». То есть это либо Тайная академия, либо Академия тайн».

Нахмутив брови, пытаюсь переварить все это. Не знаю, интригует меня или пугает то, что я попала в секретную школу с кучей метаящих ножи экспертов по обману, которые так мастерски владеют своей речью, что способны имитировать любой акцент.

Пламя свечей в комнате подрагивает, будто подчеркивая затянувшуюся паузу, и когда Блэквуд опять начинает говорить, я снова не могу отделаться от ощущения, что она читает мысли:

– Академия соответствует своему названию. Для окружающего мира мы не существуем. Даже твои родители, которые, возможно, учились здесь, не знают, где находится школа.

Что ж, по крайней мере, папа не врал, когда говорил, что не может точно сказать, куда я направляюсь. Неужели мой отец-здоровяк учился в этой школе? Странно, что он об этом никогда не упоминал, хотя он вообще почти ничего не рас-

сказывает о своем детстве, так что это не так уж и невозможно.

– Как ты, верно, уже заметила, здесь нет электричества. Здесь также нет доступа в Интернет и вообще никакой связи с миром за пределами школы, – продолжает Блэквуд. – Посещения родителей организует школа, и мы сами решаем, когда их разрешать. Понятно?

Я смотрю на нее во все глаза. Теперь ясно, почему тут нет телефона и почему она не позволила мне позвонить. Но такая экстремальная изоляция означает одно из двух: либо мне предстоит самое крутое в моей жизни обучение способам выживания, либо угроза нашей семье гораздо серьезнее, чем незаконное проникновение в дом, о котором говорил папа, и он хотел отправить меня как можно дальше, пока будет разбираться с тем, что произошло *на самом деле*. При мысли об этом сердце начинает биться немного быстрее. Не хочется думать, что он утаил от меня что-то настолько важное.

– Понятно, – осторожно говорю я.

– И ты согласна соблюдать правила?

– А разве у меня есть выбор?.. – Откашливаюсь. – Согласна.

– Очень хорошо, – говорит Блэквуд и выдыхает, как будто рада, что этот вопрос исчерпан и можно идти дальше. – Как я уже говорила, ты попала к нам слишком поздно. В семнадцать лет. Большинство учеников начинают обучение в пятнадцать, иногда в шестнадцать. Тебе придется прило-

жить немало усилий, чтобы быстро адаптироваться, хотя меня заверили, что у тебя достаточно навыков не только для того, чтобы догнать других учеников, но и преуспеть в обучении. – Судя по ее взгляду, она в этом сомневается. – Однако постарайся не привлекать к себе чрезмерного внимания. Наблюдай за другими учениками и учись у них. Сведи общение к минимуму. Будь пунктуальна и держись вежливо. И самое главное, соблюдай правила.

Я бы рассмеялась, да только это не смешно. Сейчас она описала полную мою противоположность.

– Тебя ждут занятия с нашим аналитиком, доктором Коннером, – продолжает она, – который поможет тебе освоиться. Сейчас, думаю, тебе лучше всего лечь спать. Тестирование у доктора Коннера будет только утром. – Она указывает на двух охранников. – Эти господа проводят тебя в комнату. Твоя соседка, Лейла, будет твоим наставником в первую неделю. Ей были даны указания рассказать тебя все самое главное, и я уверена, что она подойдет к делу ответственно. Это одна из наших лучших учениц.

– Как пишется «Лейла»? – спрашиваю я, думая о том, как вытянуть информацию, не задавая конкретных вопросов.

Блэквуд колеблется и странно смотрит на меня. Я бы сказала ей, что ее имя на староанглийском значит «черный лес», но это явно бессмысленно.

– Л-Е-Й-Л-А, – отвечает Блэквуд, затем закрывает журнал и встает.

Я тоже поднимаюсь. Хочу задать еще кое-какие вопросы, но по ее лицу ясно, что она не намерена продолжать наш разговор.

– Спасибо, директор Блэквуд. Спокойной ночи.

Она холодно кивает, и я иду к двери. Охранник с факелом поднимает щеколду, и я выхожу вслед за ним в коридор. Он возвышается надо мной, а ведь рост у меня почти шесть футов<sup>1</sup>. И оба охранника снова выстраиваются так, что я вынуждена идти между ними.

В коридоре стоит тишина, которую нарушает лишь стук моей обуви по полу. Их шаги совершенно беззвучны. Мы спускаемся на один пролет в коридор с рядами арочных деревянных дверей с коваными железными вставками. На них нет ни имен, ни номеров, ничего, что помогало бы различать их. Охранник впереди останавливается и стучит в третью дверь слева. Проходит всего секунда, раздается приглушенный звук металлической защелки, и дверь открывается.

На пороге стоит девушка с длинными черными волосами до пояса, такими прямыми и блестящими, что в них отражается пламя факела. У нее темно-карие глаза и полные алые губы. Она внимательно осматривает меня с головы до ног, и на лице ее появляется такая же, как у директрисы Блэквуд, кислая мина.

Хотя на ней нет ничего, кроме белой ночной рубашки, я в своих растоптанных сапогах со следами грязи от многочис-

---

<sup>1</sup> Примерно 180 см.

ленных пеших прогулок и мешковатом свитере из толстой пряжи почему-то чувствую себя бедной замарашкой.

– Ты Лейла, да? – Захожу в комнату и с улыбкой нарушаю тишину: – Мне сказали, мы с тобой соседки. Меня зовут Новембер.

Протягиваю руку, но она повисает в воздухе. Вместо ответного рукопожатия Лейла вдруг делает легкий реверанс. Мне это кажется настолько забавным, что я непроизвольно хихикаю. Ее взгляд мрачнеет, и она резко защелкивает за мной дверь.

– Извини. Я не хотела смеяться. Честное слово. Просто это было так неожиданно... Может, начнем знакомиться заново? – Так и слышу, как моя лучшая подруга Эмили ругает меня за то, что я не вовремя захихикала.

– Все забыто, – говорит Лейла таким голосом, словно ее силой принуждают держаться со мной вежливо.

Апартаменты, которые она мне показывает, лишь сильнее убеждают меня, что мы находимся в европейском средневековом замке. И теперь, когда я не заперта в какой-то непонятной комнате, у меня есть возможность более детально рассмотреть и оценить средневековый декор. На каменных стенах закреплены канделябры, которым на вид не меньше тысячи лет. В комнате имеются большой камин, диван и кресло на двоих, обитые светло-серым бархатом, столик для завтрака перед стрельчатым окном, которое полностью закрыто тяжелыми бордовыми портьерами. Сочетание серо-

го с бордовым напоминает мне о гербе в кабинете Блэквуд.

– Вот че-ерт, – бормочу я.

– Твоя спальня там, – говорит Лейла без всякого выражения, указывая вправо. На лице ее не отражается никаких эмоций.

Я прослеживаю за ее взглядом к двери, которая представляет собой уменьшенную копию той, через которую я только что вошла.

«Лейла, – думаю я. – Это имя стало популярно в Средневековье, вроде бы благодаря поэме седьмого века<sup>2</sup>. Почти уверена, что по происхождению оно арабское, а если Блэквуд правильно произнесла его по буквам, то, скорее всего, египетское. Вся сложность в том, что от варианта написания зависит смысл...»

– Слушай, а ты знала, что твое имя означает «рожденная ночью»?

Поворачиваюсь к ней, но Лейлы уже и след простыл. Смотрю на закрытую дверь напротив моей. По ту сторону деревянной перегородки защелкивается замок. Я даже не слышала, как она ушла. Вот уж она не Эмили, это точно. Уверена, что Эмили сейчас сидит у меня дома, требует, чтобы ей сказали, куда пропала ее лучшая подруга и почему я не отвечаю на ее сообщения. Жаль, что папа не дал мне возмож-

---

<sup>2</sup> Подразумевается бродячий сюжет VII века о любви полупоэтического поэта по прозвищу Маджнун и девушки по имени Лейла, в дальнейшем использованный многими поэтами. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

ности все ей объяснить.

Открываю дверь к себе в спальню – *временную* спальню. На прикроватной тумбочке рядом с графином воды и стаканом горит свеча, а на туалетном столике стоит тазик с водой, видимо, для умывания. Белая ночная рубашка, такая же, как у Лейлы, лежит в изножье кровати с деревянным балдахином и замысловатым резным изголовьем. К сожалению, моего багажа нигде не видно, а я слишком устала, чтобы выяснять, куда он подевался. Стягиваю сапоги и джинсы, скидываю их на пол в кучу и сажусь на кровать. Чувство такое, словно тону в гигантской подушке.

Хватаюсь за свитер, чтобы стянуть его через голову, но передумываю и засовываю ноги под одеяло. Задуваю свечу возле кровати и растягиваюсь на мягком пуховом матрасе. Только теперь меня охватывает щемящее чувство тоски по дому.

Я выдыхаю и задерживаю взгляд на деревянном балдахи-не у себя над головой.

«Пару недель я могу пережить что угодно, – убеждаю сама себя. – Пережила же я прошлым летом футбольный лагерь, где поле воняло гнилой капустой. Как-нибудь переживу и эту школу».



## Глава вторая

Заправляю белую льняную рубашку в черные легинсы, которые таинственным образом появились в комнате, когда я вернулась из ванной. Разглядываю собственное отражение в трюмо. Узнаю только свою длинную косу. Выгляжу я так, будто нарядилась пиратом на ярмарку в стиле эпохи Возрождения. Если бы Эмили меня сейчас увидела, она бы год хохотала. Жаль, нет телефона, чтобы сфотографироваться.

Кто-то стучит в дверь моей спальни.

– Открыто! – громко говорю я, и дверь отворяется.

Лейла одета так же, как я, но она и в пиратском прикиде выглядит весьма элегантно. Волосы собраны в высокий гладкий хвост почти до пояса. Вид у нее даже более царственный, чем ночью.

– Если сейчас не выйдем, то опоздаем. Я никогда не опаздываю.

– А я почти всегда опаздываю, – весело отвечаю я. – Может, ты на меня хорошо повлияешь.

Она молча хмурится.

– Ты не знаешь, откуда взялась эта одежда? – продолжаю я, указывая на черные сапоги на шнуровке. – Когда я вернулась из ванной, она лежала на крышке сундука возле кровати.

Ее взгляд становится еще более суровым.

– Горничная принесла.

– Горничная? – Я в замешательстве замолкаю. – Ты шутишь?

Папа и домработницу-то никогда не держал, а теперь у меня есть горничная? Эта школа, должно быть, вытянет из него все деньги. Неприятное чувство, появившееся ночью у меня в животе, только усиливается. Что-то в решении моего отца и во всей этой ситуации меня настораживает.

Лейла еще больше выпрямляет спину. Не думала, что это вообще возможно, с ее-то идеальной осанкой.

– Нет, не шучу.

Кошмар! Она такая же деревянная, как наш учитель физики, которому девяносто лет.

– Ну, а ты, случайно, не знаешь, куда подевалась моя одежда? – спрашиваю я. – И все остальные вещи, которые я привезла из... – Вспоминаю правило номер один. – Дома. Нигде не могу найти свой багаж.

– На территории школы запрещены личные вещи. Директор Блэквуд держит их под замком.

– Даже туалетные принадлежности и...

– Все.

Я недовольно ворчу себе под нос. Мне сейчас так не хватает наволочки с соснами из постельного комплекта, который я жаждала получить несколько месяцев. А шарф, который Эмили связала прошлой зимой, стал обязательной частью моего гардероба, хоть он слегка и кривоват. Все доро-

гие мне детали моей жизни хранятся где-то под замком, и я не могу их забрать.

– Насчет... запретов. В чем причина всей этой секретности? – спрашиваю я.

Лейла смотрит на меня с подозрением.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня?

Я, конечно, не надеялась, что она выложит мне все как на духу об этом странном месте, учитывая суровые правила Блэквуд, но и получить такой колючий ответ тоже не ожидала. Теперь у меня разгорелось любопытство. Я обезоруживающе улыбаюсь. Это всегда работает.

– Просто думала, что ты мне все объяснишь.

– Не говори глупостей.

Она поднимает голову и плавно поворачивается. Не удивлюсь, если узнаю, что она специально отрабатывала этот театральный выход на случай, когда кто-то подействует ей на нервы так, что можно будет его использовать.

Я следую за Лейлой в гостиную. Она открывает высокий гардероб и вынимает два длинных, до пола, черных плаща с капюшонами, один из которых протягивает мне. С интересом рассматриваю подбитую бархатом шерсть и нахожу в карманах перчатки.

– Это плащ?

– Это *мантия*, – поправляет она, – и к тому же превосходного качества.

Слева на мантии, примерно на уровне сердца, серебряной

и бордовой нитью вышит герб, который я видела в кабинете Блэквуд.

– *Historia Est Magistra Vitae*, – читаю я вслух. Я хорошо понимаю латинские корни – научилась этому, когда стала интересоваться происхождением имен, – но с грамматикой беда. – История, учитель, жизнь?

– *История – учитель жизни* – девиз Академии Абскондити, – со вздохом говорит Лейла, будто смиряясь со скучным разговором. – Бордовый цвет означает терпение в бою. Серебро означает мир. Дуб символизирует почтенный возраст и силу. Факел представляет правду и ум. А сфинкс символизирует всеведение и таинства.

Еще не договорив, Лейла открывает арочную дверь и без промедления покидает апартаменты.

Я иду за ней, закрываю за нами дверь и на ходу надеваю мантию, размышляя о гербе. Каменный коридор освещен ярче, чем ночью, но здесь холодно и поэтому все равно как-то мрачно.

Лейла сейчас назвала мне серьезную символику, а не просто какой-то банальный школьный девиз. Прикусываю губу. Странно, что кто-то выбрал цвета, которые означают «терпение в бою» и «мир», – кажется, эти понятия противоречат друг другу. Я не слишком разбираюсь в геральдике, но знаю, что сфинкс чаще всего ассоциируется с египетской и греческой культурами.

– Так что насчет всей этой секретности...

– Нет.

Внимательнее приглядываюсь к Лейле. Интересно, что было бы, если бы они когда-нибудь встретились с моим отцом? Готова поклясться, они бы пристально смотрели друг на друга, не обменявшись и парой слов. Уверена, она из тех девчонок, которые любят притворяться, будто никогда не пускают, а если такое с ней вдруг приключится, она от ужаса упадет в обморок. Снова не могу сдержать себя и начинаю смеяться.

Лейла резко поворачивается ко мне.

– Что?

На секунду в голову приходит мысль, не сказать ли ей правду...

– Слушай, мы ведь тут будем вместе, так? В этом, ну, видимо, замке, по крайней мере несколько недель, пока не поедем домой на каникулы... – *Домой навсегда.*

– Я никогда не езжу домой на каникулы, – фыркает она.

Сколько ни стараюсь разглядеть в ее лице хоть какие-то эмоции, ничего не нахожу. Меня бы, например, жутко расстроил факт, что я не могу провести праздники в кругу семьи.

– Так или иначе, стоит прожить это время с максимальной пользой. Ты так не считаешь?

Лейла отворачивается и идет по каменному коридору с рядом узких стрельчатых окон. Стены такой толщины, что на подоконниках вырезанных в них окон вполне можно си-

деть. Так и представляю, как давным-давно здесь размещались лучники, которые осыпали идущего на штурм врага градом стрел.

– Чтобы научиться ориентироваться в этом здании, тебе потребуется некоторое время, – говорит Лейла, не обращая внимания на мое замечание. – Коридоры расположены зигзагами, но главное – помнить, что снаружи здание прямоугольное. Так что если будешь держаться внешней стены, не заблудишься.

У меня такое чувство, будто я разговариваю с продавщицей из нашего супермаркета, Агнес, которая постоянно что-то напевает и почти никого не слушает. Вместо того чтобы ответить на вопрос покупателя, она говорит то, что сию минуту пришло ей в голову. Мы с Эмили относимся к ней как к печеню с предсказанием. Если она говорит, что артишоки нынче растут буйно или ростки картошки похожи на пальцы зомби, это предвещает какую-нибудь неприятность, но если она заводит разговор о поступлении новой партии мороженого, значит, день будет замечательным.

– А если окажешься на улице во внутреннем дворике или в саду, значит, ты где-то в центре прямоугольника, – монотонно бубнит Лейла, как будто читает скучную брошюру. – Во всем здании три этажа, кроме одной четырехэтажной башни.

– Кабинет Блэквуд, – говорю я, радуясь, что хоть что-то уже знаю об этом месте.

– Да, – подтверждает она и бросает на меня беглый вопро-  
сительный взгляд. – Можешь ориентироваться на эту башню.  
Представь, что она олицетворяет север, а общежитие дево-  
чек – восток. Прямо напротив нас, в западной стороне зда-  
ния расположено общежитие мальчиков.

По мере того как мы идем дальше, я считаю двери и пово-  
роты, подмечаю трещину в камне, ступеньку, которая круче  
остальных, и запоминаю все это. В детстве на ярмарках все  
друзья всегда шли за мной, потому что мне было достаточно  
обойти площадку один раз, чтобы запомнить, где что нахо-  
дится. Папа говорит, это потому, что я упорно обследовала  
каждый дюйм леса возле нашего дома, а ориентироваться в  
лесу гораздо сложнее, чем в здании или на ярмарочной пло-  
щадке.

Лейла доходит до конца коридора, спускается на три сту-  
пеньки и сворачивает влево.

– Подозреваю, что расписание занятий здесь отличается  
от того, к чему ты привыкла. Некоторые занятия идут друг  
за другом, но таких мало, потому что большая их часть тре-  
бует тяжелых физических нагрузок. С понедельника по пят-  
ницу у нас самые трудные дни, а в выходные расписание об-  
легченное. Но преподаватели имеют право устроить неожиданное испытание, когда пожелают. – Она откидывает с лица  
прядь волос. – Сейчас мы выходим в северную часть здания,  
где расположены классные комнаты и кабинеты преподава-  
телей. – Она указывает на стену. – А в южной части – общие

комнаты: обеденный зал, библиотека, оружейная и так далее.

Я резко останавливаюсь.

– Стоп. Какая оружейная?

Лейла тоже останавливается.

– У нас весьма богатая коллекция мечей. Луки и ножи тоже из лучших.

Чувствую, как мое лицо расплывается в улыбке. Я никогда не держала в руках настоящего меча. Папа всегда заставлял меня тренироваться с деревянным, и я делала это так часто, что сломала немало из них. Комната, полная ножей? О, я готова!

– Но вот яды оставляют желать лучшего, – как будто про себя продолжает Лейла. – Впрочем, нет смысла обсуждать это сейчас, поскольку в ту часть школы мы попадем только после обеда.

Улыбка сползает с моего лица.

– Яды?

– Я слышала, в следующем семестре вводится расширенный учебный план, так что, возможно, появится что-то лучше, – сухо подводит итог Лейла.

Насколько я могу судить, единственная причина, по которой стоит изучать яды, это если собираешься их применять или подозреваешь, что кто-то может использовать их против тебя. Ни то, ни другое меня как-то не вдохновляет.

– Зачем здесь изучают яды?

Она смотрит на меня так, будто я шучу.



– Ты радуешься ножам, но не понимаешь, почему мы изучаем яды? Если таким образом ты косишь под наивную дурачку, то стоило бы приложить больше усилий.

Я не свожу с нее глаз.

– Умение обращаться с ножами, стрелами и мечами – это *мастерство*. А яды предназначены только для того, чтобы нести людям смерть.

– Ну да, конечно! А ножи исключительно для того, чтобы с ними обниматься, – сухо говорит Лейла и идет дальше. – Сейчас у тебя встреча с главой отдела квалификационного оценивания учащихся. Его кабинет здесь, дальше по коридору.

Я хватаю ее за запястье, но она ловко уворачивается, прежде чем мне удастся как следует сжать руку. Она кидает на меня гневный взгляд, и я впервые вижу в ее лице признаки жизни.

– Никогда больше так не делай.

– Не брать тебя за руку? Ну извини. Притормози на минутку. Я серьезно. Что за яды и древнее правило «око за око»? – В душе нарастает чувство, что здесь творится что-то неладное, а вместе с ним и уверенность, что от меня скрывают какую-то информацию об этом месте, которую мне необходимо знать. – И что это Блэквуд говорила о погибших учениках? Знаю, что нельзя спрашивать, кем были эти ученики и все такое, но ты можешь хоть немного объяснить? Мне следует опасаться за свою жизнь?

Похоже, мои слова поставили Лейлу в тупик.

– Не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

– Правду. Почему родители отправили нас в удаленную школу, где все правила поведения говорят о неминуемой опасности?

Мне не нравится, что я не знаю, где нахожусь, но еще больше не нравится мысль о том, что папа что-то скрывал от меня.

– Здесь меньше опасности, чем где бы то ни было, – говорит Лейла таким тоном, как будто я нанесла ей оскорбление.

– Мне так не кажется.

Она наклоняется ко мне и говорит ровным голосом:

– Я же сказала: перестань прикидываться наивной дурочкой.

– Я не прикидываюсь. – Меня терзают сомнения. Инстинкт подсказывает, что стоит идти ва-банк. – Прости, что донимаю тебя вопросами, но поскольку отца здесь нет и я не могу расспросить его...

– Замолчи, – гневным голосом велит Лейла. Оглянувшись и убедившись, что коридор за нами пуст, она неожиданно сильно толкает меня обратно на лестничный пролет, с которого мы только что вышли. – Может, это и не притворство. Может, ты и правда не знаешь. Но глупость – не решение проблемы. – В ее тихом голосе, почти что шепоте, слышится явственное обвинение.

– С чего ты взяла, что я притворяюсь, задавая эти вопро-

сы? Что бы мне это дало?

– Мой ответ по-прежнему «нет», – шипит она. – Категорически. Упомянув отца – *только* отца, – ты только что сообщила мне, что твоя мать, скорее всего, умерла. Теперь я кое-что о тебе знаю, помимо того, что, судя по твоему выговору, ты явно выросла в Америке. Одежда, в которой ты приехала вчера ночью, дает понять, что ты живешь в северном климате, а судя по стилю, скорее в сельской местности, а не в большом городе. Черты лица наводят на мысль, что предки у тебя – выходцы из Западной Европы. Я бы сказала, из южной Италии, судя по волосам и глазам. Это существенно сужает круг Семей, к которым ты могла бы принадлежать. Мне продолжать?

Я не могу отвести от нее взгляда. Кто она вообще такая?

– Семей? Каких *семей*?

Она шире открывает глаза и сжимает кулаки.

– Ты шумная и безрассудная, и я ни за что не стану отвечать на твои вопросы. Хорошая игра, но ты проиграла. – В ее голосе слышится злоба.

– Подожди...

– Разговор окончен, – говорит Лейла. – *Поверить* не могу, что директор Блэквуд поселила нас вместе. – Она торопливо идет прочь.

Черт возьми! Я отмечаю один вариант за другим: обаяние не работает, настойчивость тоже. Поэтому поднимаю руки, словно сдаюсь.

– Послушай, честное слово, я вовсе не хотела злить тебя. Клянусь! Моя лучшая подруга всегда говорит, что я напирала так, как будто сталкиваю человека с обрыва. Понимаю, ты мне не доверяешь. Я очень постараюсь успокоиться и перестать забрасывать тебя вопросами. Но я с тобой не играю и даже не догадываюсь, что именно я «проиграла».

Прежде чем она успевает ответить, двери вокруг нас открываются. В коридор высыпают ученики, каждый из которых одет в ту же одежду и мантию, что и мы. Неужели только что закончился урок? Я даже не слышала звонка. Я привыкла, что на переменах все кричат, смеются и толкают друг друга, но здесь все двигаются как-то очень продуманно и общаются полупшепотом.

Лейла лавирует в гуще пугающе тихих учеников. На меня косятся украдкой, и если бы я не присматривалась, то решила бы, что меня и вовсе не заметили. Никто в открытую не таращится на новичка, как бывает в моей школе.

По телу пробегает дрожь. Это место выбивает меня из колеи, и я все меньше понимаю, зачем папа меня сюда отправил. Это похоже на испытание: он как будто хочет доказать мне свою правоту по поводу моей излишней доверчивости. Так и слышу, как он говорит: «Посмотри, посмотри на это место и скажи, что я прав: людям *всегда* есть что скрывать». Самое странное, что, хотя наши мнения по вопросу доверия не совпадали, мне тем не менее всегда казалось, что он втайне гордится моим стремлением видеть в людях хорошее.

Возможно, я заблуждалась.

– Лейла... – К нам подходит парень, нарушая ход моих мыслей. Он поразительно похож на нее, не считая роста. Она на треть головы ниже меня, а он примерно на столько же выше. Но у обоих царственная осанка и сосредоточенное выражение лица. – Я удивлен, – продолжает он. – Думал, ты уже должна быть в кабинете тестирования учащихся. – Он подмигивает ей.

Судя по его замечанию, она, наверное, рассказала ему обо мне рано утром. Либо так, либо ученики каким-то образом узнали, что я должна приехать, и эта мысль беспокоит меня еще сильнее. Здесь нет ни телефона, ни Интернета, так что узнать обо мне они могли, только если мой приезд был запланирован заранее, задолго до того, как я сама о нем узнала.

– Смягчающие обстоятельства. – Лейла смотрит на меня так, словно я какая-то сомнительная еда из столовой. – Эш, познакомься, это Новембер, моя новая соседка по комнате. Новембер, это Эш.

– Лейла с соседкой! Кто бы мог подумать, что этот день настанет!

Он смотрит прямо на меня, и я невольно отступаю на шаг. Что-то в его взгляде заставляет меня чувствовать себя беззащитной, как будто он беспощадно направил луч света на прыщ, который я надеялась от всех скрыть. Лейла холодна. Он кажется теплым, но в его приветливости нет ни капли искренней доброжелательности.

– А до меня у тебя не было соседки? – спрашиваю я Лейлу.

Блэквуд говорила, что здесь всего сотня учеников, а школа огромная, поэтому неудивительно, что некоторые живут по одному. Но мне кажется, что если в этом мрачном замке жить одной, то будешь еще сильнее чувствовать свое одиночество.

– Это не всем подходит, – бросает Лейла. Ее слова больше похожи на предупреждение, нежели на объяснение.

– Полагаю, Лейла хорошо за тобой присматривает? – спрашивает Эш, прежде чем я успеваю ей ответить.

Чем больше он говорит, тем больше общего я замечаю между ним и Лейлой: то, как двигаются их брови, их резко очерченные скулы, даже изгиб линии волос.

– Она превосходный наставник, – говорю я. – Но я пока что ужасный ученик. В основном достаю ее вопросами. – Я замолкаю, складывая в уме картинку из того, что уже знаю о нем. – Эш – это уменьшительное от... Ашай?

Его улыбка становится шире, но какой-то еще более вымученной.

– Именно. Странно, что Лейла рассказывала обо мне. Это на нее непохоже.

«Не то слово!»

– Она и не говорила. Просто Эш – не египетское имя, а поскольку у Лейлы имя египетское, я подумала, что и у тебя должно быть. Вы ведь брат и сестра, правда?

Я не ощущаю того радостного волнения, которое обычно

охватывает меня, когда удается что-то угадать. Вместо этого мне кажется, что я сказала что-то неправильное.

Эш переводит взгляд с меня на Лейлу.

– Ты сказала ей, что мы египтяне?

Это «мы» подтверждает, что я была права: они – родственники.

Лейла поднимает голову.

– Разумеется, нет.

Несколько долгих секунд они смотрят друг на друга. Не говорят ни слова, но пристальные взгляды, которыми они обмениваются, дают мне понять, что они общаются.

Эш снова переводит взгляд на меня.

– Сегодня днем я свободен. Стало быть, я мог бы присоединиться к вашей экскурсии или даже подменить Лейлу, если ей потребуется перерыв?

Моя первая мысль – отказаться, извиниться перед Лейлой и пообещать, что я перестану приставать к ней с вопросами, если только она не оставит меня с ним один на один.

К счастью, Лейла качает головой.

– Ты же знаешь, ответственность за нее возложена на меня, – говорит она, и я ей в этот момент благодарна – хотя не могу сказать, что мне нравится быть объектом чьей-то ответственности.

– Что ж, тогда до встречи в обед. Да, Лейла... – Он держит в руке косичку из сосновых иголок.

Лейла проверяет опустевший карман мантии, а Эш тор-

жествующе улыбается.

– Пять – четыре, – с ноткой раздражения в голосе говорит она. – Ты победил.

Эш отвешивает нам обеим легкий поклон и снова вливается в поток учеников, которые больше похожи на шпионов, чем на учащихся старшей школы. Вблизи Эш казался чуть ли не пугающим, но теперь, когда он уходит, мне трудно не смотреть ему вслед. Не знаю, заинтересовал он меня или напугал.



## Глава третья

В кабинете тестирования, где основным источником света служит огонь в большом камине, я сажусь на один из бордовых диванов. Стены увешаны портретами угрюмых пожилых мужчин и женщин, на потолке скрещиваются деревянные балки. Провожу сапогом по выцветшему ковру и выглядываю в высокое узкое окно, за которым не видно ничего, кроме толстых веток.

Доктор Коннер ставит на стол передо мной серебряный поднос с горячим хлебом, маслом и джемом. В животе у меня урчит. Мало что в мире может сравниться со свежим хлебом. А из-за наркотиков в самолете я вообще не помню, когда последний раз ела.

– Итак, Ноябрь, сейчас я задам тебе несколько вопросов, – говорит доктор Коннер, присаживаясь на диван напротив меня.

Его выговор напоминает британский. Одет он в черный блейзер, похожий на тот, что я видела на Блэквуд, только еще и с бордовым карманом. На вид ему тоже примерно столько же лет, сколько папе, а может, даже немного меньше.

– Главное – отвечай честно, – говорит доктор Коннер, скрещивая ноги и открывая кожаную папку. – Это существенно увеличит твои шансы попасть в подходящий класс. Поскольку мы, как правило, не принимаем учащихся в сере-

дине учебного года, особенно твоего возраста, у нас нет времени поэтапно оценивать твои сильные и слабые стороны, как принято в подобных случаях.

– Понятно. Давайте, – говорю я, второпях проводя собственную оценку. «Коннер – происходит от *cunnere*, что означает «инспектор», и *cup* – «исследовать». – Вы получили какие-нибудь сведения из моей школы?

Он удивленно поднимает брови.

– Разумеется, нет. Могу тебя заверить, здесь подобной информации не существует. И все, что ты скажешь в этом кабинете, строго конфиденциально и может быть использовано только для обучения. Доступа к твоим данным нет ни у кого, кроме меня и директора Блэквуд.

У меня в голове звенят предупреждения Лейлы и Блэквуд. Он что, решил, что я проверяла, не записывают ли здесь мои личные данные?

– А, хорошо. Задавайте свои вопросы, – говорю я уже менее бодро.

Он проводит рукой по коротко подстриженной бороде и слегка хмурится.

– Ты интроверт или экстраверт?

– Экстраверт. На сто процентов, – отвечаю я.

– У тебя есть какие-нибудь физические травмы, которые в данный момент ограничивают движения?

– Нет. Никаких травм.

– Как бы ты наиболее точно описала свой уровень равно-

весь: можешь ходить по подоконнику, ветке дерева или канату?

Я морщусь лоб, обдумывая ответ. «К чему он клонит?» Это скорее оценка спортивного уровня экстремалов, а не школьников.

– Ветка дерева. А что, в этой школе действительно есть люди, умеющие ходить по канату?

– Как ты лазаешь? – спрашивает Коннер, игнорируя мой вопрос.

– Отлично.

Он на секунду поднимает глаза.

– Насколько отлично?

Похоже, ни один вопрос не имеет отношения к моим учебным успехам.

– Лучше всего по деревьям, но могу и по камням. Могу забраться на столб... Короче, если поверхность не совсем гладкая и есть за что ухватиться, я могу залезть на что угодно. Это своего рода... – Я замолкаю, едва не сообщив, что мои друзья в Пембруке обычно делают ставки на то, куда я смогу залезть и как быстро. «Правило номер один», – напоминаю я себе.

Он вскидывает брови.

– Ночь или день?

– Все равно.

– Ночь или день?

– Но меня правда устраивает и то, и другое.

– Рад, что ты так думаешь, – говорит он тоном, который дает мне понять, что его это вовсе не радует. – Но если я предлагаю тебе выбор, то рассчитываю, что ты что-нибудь *выберешь*.

Я меняю положение на диване, хотя и не очень хочу.

– Ночь.

– Почему? – спрашивает он, глядя на меня.

– Ну... – говорю я и замолкаю. – Темнота меня не пугает, а иногда бывает даже полезной.

Он кивает и что-то записывает. На этом этапе нашего странного разговора я бы очень хотела заглянуть в его заметки.

– Какое из своих чувств ты назвала бы самым сильным?

– Гм... Так, дайте подумать.

Когда я была маленькой, мы с папой начали играть в игру, по правилам которой одному из игроков завязывали глаза и он в течение пяти минут следовал за другим по лесу, удаляясь от дома. Ведущий петлял и ходил кругами, пытаясь как можно больше запутать игрока с повязкой. Но если игрок с завязанными глазами находил дорогу домой, то побеждал. Я всегда добивалась этого, слушая язык деревьев и трогая их. Папа клялся, что в основном делает это по запаху, хотя я до сих пор считаю это неправдоподобным. Он начал разрабатывать стратегические игры вне дома, такие как игра с повязкой, после смерти мамы. Мне тогда было шесть. По выходным мы ходили в походы, и он учил меня всяким фокусам.

Наверное, на самом деле это были занятия на выживание, но тогда они больше напоминали игры или головоломки. Думаю, таким образом папа пытался найти способ утомить меня физически и морально, чтобы я не спрашивала про маму, хотя никогда в этом не признавался.

Коннер откашливается.

– Следующий вопрос.

– Подождите, я могу ответить.

Он многозначительно смотрит на меня.

– Я сказал, следующий вопрос, Ноябрь.

– Сочетание осязания и слуха, – быстро вставляю я – и не потому, что не могу оставить его вопрос без ответа, а потому что не люблю, когда меня затыкают.

Он не обращает внимания.

– Ты бы предпочла залезть на дерево, выйти в море или не испытывать боли?

Я сомневаюсь. Папа устраивал мне похожие личностные тесты в виде загадок. Я всегда дразнила его, что это пережиток прошлой работы в ЦРУ. Но сейчас я хочу понять, какое значение имеют вопросы про выход в море, мое самое сильное чувство и нравится ли мне день или ночь.

– Это несложный вопрос, – говорит Коннер, и мой мозг начинает работать.

«Залезть на дерево», вероятно, означает, что ты хочешь веселиться и жить в настоящем. «Выйти в море»? Уйти отсюда, где находишься сейчас, ощущение неудовлетворенно-

сти нынешней ситуацией. «Не испытывать боли»... Не считая очевидного, я как-то не представляю, что это может значить.

Коннер поглаживает бороду и переводит взгляд с меня на папку, в которой продолжает делать заметки.

– Не испытывать боли, – говорю я, хотя мне явно больше всего подходит «залезть на дерево». Однако меня не покидает чувство, что беззаботные развлечения в этой школе уж точно не приветствуются.

Он хмыкает.

– Как бы ты описала свое умение ориентироваться в пространстве?

– Хорошо.

– Выносливость?

– Я всегда много занималась спортом... поэтому я бы сказала, развитая.

– Шифры?

– В смысле расшифровывать их? – М-да, он слов зря не тратит.

– В смысле расшифровывать или создавать шифры.

Я пожимаю плечами.

– Нет опыта.

Он смотрит на меня секунду, и мне кажется, что он мне не верит.

– Так, хорошо. Это поможет нам хотя бы распределить твои занятия.

Распределить уроки – теперь я понимаю, что занятия, которые описали Блэквуд и Лейла, – не факультативы, а *обязательные* предметы. Не то чтобы мне жаль расставаться с математикой или английским, но меня изумляет, что подготовительная школа так мало внимания уделяет общеобразовательным предметам.

Коннер кладет кожаную папку на стол и смотрит на поднос с нетронутой едой.

– Не хочешь хлеба с джемом?

– Спасибо, не беспокойтесь. Можете есть без меня, – говорю я, стараясь не смотреть на соблазнительный хлеб.

– Ты, наверное, голодна. Ведь ты еще не завтракала, – улыбается он.

После того как меня, скорее всего, накачали наркотиками в самолете, ни за что не притронуся к еде. Я смотрю ему в глаза.

– Это кабинет тестирования, и вы меня оцениваете, так? Я могу только предположить, что завтрак – это часть теста, но не уверена, что горю желанием его попробовать.

Выражение на его лице меняется, как будто он нашел то, что искал.

– Ты подозрительна. Или, может быть, просто не доверяешь мне.

Это замечание ошарашивает меня. Впервые в жизни меня назвали подозрительной. И почему-то это замечание кажется не похожим на другие – как будто он оценивает мою психику,

а не просто собирает информацию.

– Не люблю дважды наступать на те же грабли, – осторожно говорю я.

На секунду он замолкает, и я так и вижу, как у него в голове крутятся шестеренки, пока он принимает решения насчет меня. Как-то некомфортно, когда тебя оценивают, а ты не знаешь, что человек ищет и к какому выводу приходит.

Коннер откидывается на спинку дивана и в такой расслабленной позе выглядит почти дружелюбным, как будто я разговариваю с отцом кого-нибудь из моих друзей, а не с угрюмым аналитиком. *Папа*. Ощущаю укол тоски по дому в пустом животе.

– Что тебе известно об Академии, Ноябрьер? – спрашивает Коннер.

– Почти ничего, – отвечаю я. Похоже, на сей раз он мне поверил.

– Директор Блэквуд попросила меня немного рассказать тебе о нашей истории и о том, что тебя здесь ждет.

– Да, пожалуйста. – Я наклоняюсь вперед. Сейчас меня устроит любая информация.

Он складывает руки на коленях.

– Однако, – с нажимом произносит он, – этого краткого введения недостаточно, чтобы восполнить многочисленные пробелы, возникшие в результате пропущенных тобой двух лет.

Звучит как предупреждение, и это ставит меня в тупик.



Почему меня все же взяли в школу, если их так волнует все то, что я пропустила?

– Однако прежде чем мы приступим... Директор Блэквуд прояснила для тебя правило номер один, не так ли?

– Никому не раскрывай личную информацию о себе или своей семье.

Коннер кивает.

– Мы также просим тебя проявлять осторожность с любым из учеников, которого ты можешь узнать. Понятно, что это неизбежно, некоторые из вас наверняка знакомы. Но именно в те минуты, когда ты чувствуешь себя наиболее комфортно, ты более всего уязвима, – говорит он, и мне снова кажется, что он пытается выудить из меня какие-то сведения.

– Это не проблема, – отвечаю я. – Я здесь никого не знаю. Долгое время он смотрит на меня, затем откашливается.

– Так, посмотрим... Члены первоначального Совета Семей основали и построили Академию – элитное учебное заведение для лучших и умнейших из их детей. Это был первый раз, когда все Семьи работали вместе для достижения общей цели. Тогда было решено – и это решение действует до сих пор, – что стратегическое превосходство и безопасность детей должны цениться превыше политики.

Теперь я окончательно запуталась. Хочется спросить, что за политику он имеет в виду, но я не успеваю даже рта раскрыть. Коннер продолжает говорить:

– Не могу сказать точно, когда была основана эта школа, поскольку из-за окружающей ее секретности некоторые данные не были записаны, хотя многие полагают, что это произошло около тысячи пятисот лет назад, ровно через тысячу лет после создания первых трех Семей. Но точно известно, что в этом конкретном здании Академия Абскондити располагается с тысяча тринадцатого года. – Он вскидывает подбородок, как будто очень гордится этим фактом.

Снова это слово – *Семьи*. Когда я расспрашивала об этом Лейлу, она вела себя так, словно я намеренно пыталась довести ее до бешенства. Коннер тоже явно считает, что мне понятно, что он имеет в виду, и мне почему-то не хочется его разубеждать. Я киваю, как будто и в самом деле все понимаю.

– Основной набор занятий здесь одинаков для всех учащихся, – поясняет Коннер. – А также есть факультативы: акценты, боевые искусства, шифры, бокс, стрельба из лука и садоводство. Хотя уровень конкретных способностей у всех учеников разный, между учениками начального и продвинутого уровней существует строгое разграничение. Если ученик начального уровня не может перейти на продвинутый уровень, его отчисляют. – Он делает паузу, как будто давая мне понять, что хочет, чтобы я осознала всю серьезность его слов.

– А поскольку мне семнадцать, я, судя по всему, на третьем курсе, следовательно, ученица продвинутого уровня? –

спрашиваю я.

– Верно. Нас заверили, что твоих физических способностей будет достаточно. Но основной предмет, связанный со всем, что мы здесь делаем, это история. К сожалению, ты пропустила два с половиной года занятий, на которых мы не только обсуждали истории первоначальных Семей, но и анализировали ключевые исторические события, на которые они повлияли. Именно стратегия, обсуждаемая в контексте этих исторических событий, формирует ход твоего обучения здесь. Директор Блэквуд надеется, что у тебя были достаточно хорошие преподаватели и ты не будешь тянуть назад других учеников. Как я уже говорил, превосходство – это главное.

«История – учитель жизни» – теперь я прекрасно понимаю, почему у школы такой девиз. А еще я уверена, что папа убьет меня, если сложится так, что он потратил кучу денег, чтобы спрятать меня в далекой частной школе, а я из нее вылетела, потому что завалила какой-то таинственный экзамен по истории. Я потираю одну руку о другую.

– А если я захочу позаниматься дополнительно на всякий случай, сама по себе? Есть какая-нибудь книга, которую я могла бы почитать?

Коннер так долго хмурится, что я несколько раз кашляю в надежде, что он перестанет молча таращиться на меня и ответит на мой вопрос.

– Боюсь, что, если ты не понимаешь, что этой истории не

существует в письменном виде, ты не сможешь выжить здесь с другими учениками.

От слова «выжить» у меня по спине пробегает холодок. Я смеюсь. Смеюсь, потому что у меня это хорошо получается, потому что смех всегда помогает мне разрядить напряженную атмосферу и потому что мне кажется, я сейчас раскрыла карты и мне нужно прийти в себя – и побыстрее.

– Я не имела в виду книгу об истории *Семей*. Я говорила про книгу, которая помогла бы мне, так сказать, вникнуть в тонкости.

Он пыхтит, как будто сомневается, но в его глазах больше нет угрозы.

– Или что-то еще, что вы могли бы посоветовать? – говорю я. – Я вся внимание.

Он расслабленно откидывается на подушки.

– Что ж, в этом тебе придется разбираться самостоятельно.

Я открываю рот, чтобы ответить, но вовремя замолкаю. Ну и козел!

Доктор Коннер встает.

– А теперь идем со мной, сегодня у меня для тебя есть еще одно испытание.

Я поднимаюсь с мягкого дивана и перекидываю косу через плечо.

Коннер отодвигает от стены два стула и ставит их друг против друга. Я жду, что он сядет, но он не садится. Вместо

этого разглаживает жилет и встает за спинкой стула справа.  
– Прошу, займи любое место.

Если я сяду на стул, за которым он не стоит, то окажусь спиной к двери. Не знаю, связано ли это с фэншуй, но мне всегда было не по себе, если я оказывалась спиной к выходу. Но я ни за что не сяду на стул, за которым стоит он на расстоянии двух дюймов. Я осматриваюсь и вместо того, чтобы выбрать один из двух стульев, сажусь на пол и прислоняюсь к стене там, где изначально они стояли.

Я не собираюсь объяснять, почему так поступила, но он и не спрашивает. На этот раз он не говорит: «Ты должна сделать выбор». Просто делает заметки.

Через минуту Коннер дает мне лист бумаги, на котором изображены восемь цветных квадратиков.

– Пожалуйста, отметь каждый цвет баллами. Единица – самый любимый, восьмерка – тот, который нравится меньше всего. Не нужно слишком долго думать. Просто выбери, какие цвета нравятся тебе больше всего.

Я смотрю на него. Сначала все эти странные вопросы, а теперь тест на цвета?

Коннер протягивает мне ручку и карандаш на выбор.

Беру карандаш и ставлю единицу рядом с желтым квадратом и двойку рядом с зеленым. Эти цвета напоминают мне о солнце и деревьях – полной противоположности этому мрачному серому зданию. Ставлю «три» рядом с красным, и тут карандаш ломается у меня в руке. Кончик грифеля отвали-

вается. Я поднимаю взгляд на Коннера, который внимательно смотрит на меня и вовсе не выглядит удивленным. Ручку или другой карандаш он мне не предлагает.

Может, он хочет проверить, попрошу ли я о помощи? Да пошел он... Зубами обкусываю деревянный кончик карандаша, потом отковыриваю кусочки ногтями так, чтобы наружу выступил кончик грифеля, и продолжаю отмечать цвета. Коннер пристально следит за каждым моим движением.

Закончив, я встаю и протягиваю ему лист.

Он кивает, глядя на бумагу, как будто она сообщает ему что-то, что он и так уже знает.

– Можешь идти, – бросает он через плечо, направляясь назад к столу.

– Могу я вас кое о чем спросить? – говорю я. – Завтрак, который вы мне предлагали, можно было есть?

Коннер поворачивается и достает из кармана пиджака какой-то пузырек.

– Противоядие, – с улыбкой поясняет он.

В ужасе смотрю на него. Я догадывалась, что завтрак был частью теста, но никак не думала, что человек, который должен помочь мне быстро адаптироваться, попытается меня отравить.

Он садится за стол.

– А теперь уходи, – говорит он. – У меня плотное расписание.

Я хватаюсь за щеколду и спешу покинуть кабинет.

## Глава четвертая

Молча спускаясь следом за Лейлой по лестнице, трогаю кончиками пальцев холодные, шероховатые каменные стены. Я спросила ее, что означает тест с выбором стульев и карандашом, но она, ничего не объяснив, лишь поинтересовалась, что я сделала. Ее вопрос в свою очередь заставил меня задуматься, какие сведения о себе я выдам своим ответом. Поэтому предпочла промолчать.

Лейла ведет меня по украшенному гобеленами коридору, по которому ночью я шла к кабинету Блэквуд. Она останавливается перед массивной деревянной дверью, которую открывает перед нами молодая женщина-охранник. На ней такие же кожаные налокотники и пояс, как у тех парней, что вчера сопровождали меня в спальню.

– Спасибо, – говорю я, минуя охранницу, но та никак не реагирует. Я тихонько ворчу себе под нос.

Однако дурное настроение мгновенно улетучивается, стоит только мне оказаться в прямоугольном внутреннем дворе и почувствовать под ногами мягкую траву. Становится заметно холоднее, но не так сильно, как следовало бы ожидать в декабре. Конечно, температура воздуха в помещении ниже той, к которой я привыкла, видимо, поэтому при выходе на улицу не так ощутима разница. Влажность вроде бы такая же, как в моем родном городе, но это мало о чем говорит,

учитывая, что во многих частях Европы погода зимой напоминает климат Пембрука. Воздух кажется густым от пряного запаха влажной земли и мха, словно в лесной глуши.

По периметру двора растут древние дубы с мощными стволами. Это тоже не дает мне никаких зацепок, поскольку дуб широко распространен в Европе и Северной Америке. Но где бы мы сейчас ни находились, эти деревья поражают воображение. Их тщательно подстриженные верхушки образуют над всем пространством плотный сводчатый навес, сквозь который на землю падают блики света. С ветвей свисают толстые стебли плюща разной длины, напоминающие гигантские лианы, что придает роще вид фантастического спортзала в джунглях в духе «Питера Пэна».

Провожу рукой по лиане и дергаю за нее.

– Наверное, не все здесь так уж плохо, – еле выговариваю я пересохшими губами и понимаю, что все это время стояла с раскрытым ртом, разглядывая удивительную картину. Мух ловила, как сказала бы Эмили.

– В этом дворе проводятся спортивные занятия, и нам строго запрещено лазать по деревьям в отсутствие инструктора, – говорит Лейла, положив конец моим мечтам о том, чтобы немедленно забраться наверх.

Но даже это ее замечание не может испортить мне настроение.

– Когда будут эти занятия? – спрашиваю я.

– Завтра.



– Для старших, младших или для всех вместе? – Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь запахом свежескошенной травы и древесной коры.

– Мы не пользуемся такой терминологией. Те, кому пятнадцать и шестнадцать лет, считаются учениками начального уровня. Те, кому семнадцать и восемнадцать, – продвинутого, – объясняет она. – И у нас нет общих занятий с младшими учениками. У них в целом более легкое расписание, чем у нас, что оставляет им больше времени для практики.

Я киваю. Это совпадает с тем, что говорил Коннер.

– Вопрос: если здесь все такое секретное, как люди потом умудряются поступить в колледж? Насколько я понимаю, аттестатов здесь не выдают.

Лейла смотрит на меня так, словно я сморозила очередную глупость.

– *Если* мы вообще захотим поступать в колледж.

– Зачем учиться в подготовительной школе, в которую принимают только лучших, если не собираешься потом в колледж? – спрашиваю я.

– А зачем тратить четыре года на изучение бессмысленных предметов, если можно просто сказать, что ты там училась, и все? – парирует она.

Я округляю глаза. Значит, это не просто какая-то странная подготовительная школа с уклоном в необходимые для выживания предметы, как я поначалу думала. Судя по всему, здешние ученики считают, что это *единственное* образо-

вание, которое им нужно. Но что за карьеру можно планировать, если твои основные навыки – это умение обращаться с оружием, знание истории и искусство лжи? Шпионы? Наемные убийцы? Секретная служба? Хочется верить, что я ошибаюсь и папа ни за что не отправил бы меня сюда, если бы это было правдой, но я честно не понимаю ответ Лейлы.

– Чем же все потом занимаются, если не поступают в колледж? – осторожно спрашиваю я.

Лейла косо смотрит на меня.

– Тем, что нужно от нас нашим Семьям, – говорит она и отворачивается. – Постарайся не отставать. Нам еще многое надо осмотреть.

Следую за ней к зазору в стене деревьев, пытаюсь придумать, как лучше спросить о том, что я хочу узнать, не получив на это загадочный ответ или не разозлив ее. Больше всего меня удручает мысль о том, что эта школа, учитывая все, что я сегодня видела и слышала, совсем не похожа на место, куда можно заскочить на две недельки, а потом благополучно ее покинуть. Теперь я убеждена, что папа утаил от меня нечто важное, и эта мысль еще более усиливает тревогу.

Мы проходим сквозь арку из ветвей в расцвеченный яркими красками сад. Здесь тоже имеется тщательно подстриженный лиственный навес, но вместо лиан, по которым можно карабкаться, этот внутренний двор украшен гирляндами темно-фиолетовых ягод и белых цветов. Красивоплодник, если я правильно помню по книгам о растениях, которые я

всегда собирала и не позволяла папе сдать их в библиотеку. Огромные, поросшие мхом камни приспособлены под скамейки. Синие, фиолетовые и белые цветы образуют замысловатые узоры.

– Сад для отдыха, – с гордостью сообщает Лейла. – Ученикам разрешается проводить здесь свободное время в течение дня. Снегу нелегко пробиться сквозь густой навес листвы, а поскольку под школой проходит горячий источник, мы почти весь год можем наслаждаться цветами.

С ходу могу сказать, что горячие источники есть в Великобритании, Франции, Исландии, Германии и Италии, – и наверняка еще где-то, о которых я не знаю, так что упоминание об источниках опять не выдает никакой информации о местонахождении школы.

– Феноменальное место, – говорю я, вдыхая сладкий аромат цветов. Но я не могу спокойно наслаждаться им, потому что меня все еще грызет беспокойство по поводу шпионов/наемных убийц и отца.

– У нас есть штатный садовод, который ведет факультатив по ботанике и работает с нашим преподавателем по ядам. Но здесь он никогда не сажает ничего смертоносного, – добавляет она, заметив беспокойство, которое, несомненно, промелькнуло у меня на лице. – *Тот* парник расположен по внешнему периметру.

– Внешнему периметру? – переспрашиваю я.

– Между школой и внешней стеной, – поясняет Лейла. –

Доступ к нему имеют только избранные члены персонала школы. Там же выращивают овощи и содержат молочных коров и кур. — Она указывает на еще одну арку в стене деревьев. — А вон там находится открытое поле. Сейчас там проходит урок стрельбы из лука.

— Под *открытым* ты подразумеваешь, что там нет навеса из листьев? — спрашиваю я.

Она качает головой.

— Вся территория школы закамуфлирована. Даже на крыше растут деревья, а стены прикрыты плющом.

Я моргаю, и до меня впервые доходит, что нахожусь в древнем здании, координат которого никто не знает, и у меня нет возможности связаться с окружающим миром.

— И это для того, чтобы... помешать местным жителям следить за нами или скрыть нас от самолетов?

— Вообще, — Лейла смотрит на небо, — говорят, что школу окружает высокотехнологичная сетка, отражающая радар, отчего все здание становится почти невидимым и похожим на обычный холм.

Теперь я окончательно убеждаюсь: то, от чего папа пытался защитить меня, отправив сюда, действительно представляет большую опасность. Мне становится страшно за него и тетю Джо, и я всерьез сожалею, что до отъезда из дома не вытянула из него более внятных объяснений.

Лейла направляется к арке, на которую только что указала, и жестом велит мне следовать за ней.

Послушно плетусь за ней по пятам.

– Ты же говорила, там идут занятия?

– Ну да, – подтверждает она и выходит в следующий двор.

Я иду за ней. И раскрываю рот от изумления.

Слева от нас стоят в одинаковых позах пятеро учеников, вооруженных луками и стрелами. Позади еще человек десять ждут своей очереди. А справа на стене прикреплены деревянные мишени, но не обычные концентрические круги, а внутренние «десятки» размером не больше четвертака.

– Стреляй! – командует жилистая женщина с высокими скулами, одетая в такой же костюм, что и все мы, только черного цвета.

Пять стрел проносятся мимо нас с такой скоростью, что лицо обдает порывом ветра. Каждая вонзается прямо в верхнюю линию «десятки». Ни одного промаха.

– Это было несложно, – говорит преподаватель.

В горле пересохло. Поверить не могу, что такое возможно!

– А теперь попробуйте в движении, – продолжает она, и я улавливаю в ее речи французский акцент.

Один из лучников делает несколько шагов вперед, и от его взгляда мне становится не по себе – так же, как было, когда я с ним разговаривала. *Эш*. Он многозначительно улыбается Лейле и мне и быстро отталкивается ногой, вращаясь и посылая в воздух стрелу. Он не просто попадает в цель, но делает это настолько превосходно, что рассекает «десятку»

надвое.

Я смотрю на все это с раскрытым ртом.

– Потрясающе, – говорю я Лейле.

Преподаватель поворачивается и смотрит на меня.

– Если вы позволяете себе болтать во время урока, полагаю, вы хотите попытаться превзойти этот результат.

И, прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, в траву у моих ног со свистом вонзается стрела. Я непроизвольно отскакиваю назад. Вслед за стрелой рядом падает лук.

– Э... я не... – мямлю я.

Лейла хватает лук. Я не успеваю закончить предложение, как она уже зарядила его и выпустила стрелу. Она не просто попадает в цель, но и рассекает надвое только что пущенную братом.

– Этого больше не повторится, профессор Флешье, – извиняется Лейла.

«Флешье – это, несомненно, по-французски, но также родственно староанглийскому *Fulcher*, что значит “изготовитель стрел”». Я начинаю понимать, что имена профессоров – скорее всего, псевдонимы, учитывая их буквальный смысл.

Услышав звук металла, ударяющегося о металл, я оборачиваюсь и смотрю на мишень. Другая стрела торчит из того же места, что стрела Эша. Ее выпустил высокий парень с вытравленными перекисью волосами. Он держится так уверенно, что его трудно не заметить. Парень подмигивает мне, и я, не задумываясь, улыбаюсь в ответ.

Лейла едва ли не выталкивает меня через арку назад в сад с цветами.

– Как ты смеешь так унижать меня?

В ужасе смотрю на нее.

– Я бы сказала, что унизила себя. А ты, в свою очередь, расколола стрелу *надвое*. После этого я всерьез сожалею, что разозлила тебя.

– Существуют правила, союзы, *манеры*, – раздраженно говорит Лейла. – *Никогда* нельзя прерывать учителя. Особенно... Профессор Флешье, она... Еще раз что-нибудь подобное выкинешь, и я потребую другую соседку по комнате.

Я поджимаю губы. Никогда не видела, чтобы ученик так злился из-за разговоров в классе. Или чтобы преподаватель так реагировал. Я не просто чувствую себя не в своей тарелке, но меня к тому же подводят инстинкты.

– Извини, Лейла. Мне правда очень жаль. Просто я пока не привыкла к здешним правилам.

Она немного остывает и разглаживает и без того гладкую мантию.

– Ты сегодня уже второй раз передо мной извиняешься.

Я слегка улыбаюсь.

– Ты поймешь, что все совсем плохо, когда я начну покупать тебе подарки. Моя лучшая подруга составляла список пожеланий.

Лейла с любопытством смотрит на меня.

– Пошли, – говорит она, и по ее тону я понимаю, что она

уже не *так* злится.

Она лавирует между клумбами в сторону дальней стены, где среди стволов деревьев проглядывают серые камни, и толчком открывает деревянную дверь. Я с неохотой покидаю пружинистую траву и, уходя, провожу рукой по стволу. Дверь за нами закрывает охранник. Над правой бровью у него странный крестообразный шрам. Хотя он не произносит ни слова, он не скрывает того, что внимательно меня изучает.

Лейла указывает на вестибюль с высоким потолком, на стене которого висят щиты, а перед ними стоит статуя рыцаря в доспехах.

– Мы находимся в южной части здания. Эти щиты увековечивают некоторые из важнейших достижений наших Семей – разумеется, за исключением последних двухсот лет.

Внимательно смотрю на щиты. В голове проигрываются замечания Коннера насчет истории. Но когда я прошлый раз напрямую спросила Лейлу про Семей, она рассердилась. Кроме того, охранник по-прежнему не сводит с меня глаз, и от его взгляда по коже пробегают мурашки.

– И ты знаешь, кому принадлежат эти щиты? – спрашиваю я, как будто сомневаюсь в ее знаниях.

Она усмехается и указывает влево.

– Вон тот представляет самого доверенного советника принца Ашоки, этот – любовницу Александра Великого, тетушку Юлия Цезаря, лучшую подругу Клеопатры, кузена



Акбара, советника Петра I, стратега Чингисхана и камеристку Елизаветы I. Продолжать?

Я качаю головой, пытаюсь убедить и ее, и плящегося на меня охранника, что знаю, о чем она говорит. На самом деле я еще больше запуталась. Какое отношение камеристки и чьи-то лучшие подруги имеют к этой школе?

... – Сядь, Нова, – говорит папа, указывая на диван.

Плюхаюсь на подушки и накрываю ноги любимым пледом в красно-кремовую клетку.

Папа садится рядом. Он потирает мозолистую ладонь большим пальцем и несколько долгих секунд молчит.

– У меня нет времени, чтобы все тебе объяснить, если ты хочешь успеть сегодня ночью на самолет. Кроме того, тебе и не надо сейчас ничего знать. Я обо всем здесь позабочусь. А ты тем временем выучишь новые приемы обращения с ножами и способы выживания.

Я хмурюсь. Обычно он выражается яснее. Но что-то в его голосе беспокоит меня, словно его всегдашняя уверенность в себе дала трещину.

– С тетей Джо случилось что-то, о чем ты мне не говоришь?

У папы усталый вид.

– Я не знаю подробностей. Именно поэтому я должен помочь ей во всем разобраться и убедиться, что все в безопасности.

– Хорошо, – медленно говорю я. – Но ты сказал, к ней в

дом кто-то вломился. Это не самое худшее, да? То есть, если это имеет какое-то отношение к твоей прежней работе в ЦРУ, ты правда думаешь, что меня стоит отправлять в какую-то...

— Нова, мне нужно, чтобы ты мне доверилась. Ты можешь это сделать? — Его лицо не выражает беспокойства, но голос звучит серьезно.

— Конечно.

Я хотела бы настоять на своем, но всякий раз, когда он просил довериться ему, у него на то были веские причины. И всякий раз он оказывался прав.

Папа кивает, и напряжение частично уходит из его глаз.

Несколько секунд мы молчим. Словно густой туман, между нами повисли вопросы без ответов. Он наблюдает за мной.

— Я понимаю, тебя удивляет такая внезапная спешка, но в данный момент у меня нет другого выхода. Знаю только, что не могу рисковать тобой. Если твоя тетя в опасности, то мы, возможно, тоже. Я хочу выяснить, что происходит, и быть уверен, что это не повлияет на нашу с тобой жизнь.

Я даже не спрашиваю, что произойдет, если повлияет. Потому что и так знаю. Он сделает все необходимое, чтобы защитить нас, в том числе переедет в другой город. Он говорил мне об этом, когда я была ребенком, и я не забыла. Мало что я люблю больше, чем нашу жизнь в Пембруке,

и если для того, чтобы нам не пришлось покинуть родной город, от меня требуется уехать на несколько недель в какую-то далекую школу, пока папа разбирается со всем дома, что ж, я готова.

Папа вдруг начинает смеяться, и это застаёт меня врасплох.

– Помнишь, как тот человек ударил свою собаку, а тетя Джо ударила его? Он угрожал ей полицией, а она сказала: «Вызывай! Надеюсь, меня посадят в тюрьму, и там у меня будет предостаточно времени, чтобы подумать о том, как я тебя убью, когда выйду на свободу».

Я широко улыбаюсь.

– Маленькая и злобная тетя. Поверь, я догадываюсь, почему ты хочешь поехать в Провиденс. Кто знает, что она натворит, если дать ей волю.

И вот мы снова с ним на одной волне. Туман рассеялся. Но никаких ответов по-прежнему нет. Но с папой, в общем-то, всегда так. И это неважно. Потому что даже если я не знаю, что происходит, я знаю его.

Я выдыхаю.

– Наверное, несколько недель – это не конец света.

Он кивает, как будто знал заранее, что таким будет мое решение.

– Вот и хорошо. Договорились. И, Нова, я знаю, что у тебя много вопросов. И я знаю, какая выдержка тебе нужна, чтобы не нападать на меня сейчас. Но я клянусь тебе: ты

*знаешь ровно столько, сколько нужно для твоей безопасности. И я непременно разберусь во всем, что здесь происходит...*

Хмуро смотрю на щиты. Нет, я не знаю, сколько нужно для моей безопасности. И откуда он вообще узнал об этой школе? Я считала, что это какая-то безумная программа, о которой он знал со времен работы в ЦРУ. Но насколько я могу судить, здешние ученики – не американцы. Они приехали со всего мира. А люди, которых символизируют названные Лейлой щиты, относятся к самым разным историческим эпохам. Не понимаю, какое отношение они могут иметь к американской разведке.

В вестибюль, переговариваясь шепотом, входят девушка и парень. Но вместо того чтобы пройти мимо, они останавливаются возле нас.

– Аарья, – представляется девушка и делает реверанс.

У нее такая же смуглая кожа, как у Лейлы, и распущенные волнистые волосы. «Аарья – это... санскрит. Я почти уверена. Однако это имя встречается в различных культурах по всему миру».

– А это Феликс, – продолжает Аарья, и я различаю в ее речи британский акцент.

Парень рядом с ней кланяется. Она выглядит спокойной и расслабленной, а он напряжен. На скуле у него длинный шрам, который тянется до самого уха.

– Ноябрь, – говорю я, прикладывая руку к груди. – Я не особенно умею делать реверансы.

Аарья смеется, хотя, на мой взгляд, я не сказала ничего смешного.

– Если у тебя нет планов на время обеда, пожалуйста, присоединяйся к нам, – предлагает Феликс, тоже с британским акцентом.

Но напряжение, даже, я бы сказала, какая-то неловкость, не сходит с его лица. У них с Аарьей настолько разная манера поведения, что их трудно представить друзьями.

– О, спасибо! Наконец-то мне оказали нормальный прием. – Было бы здорово.

Аарья и Феликс быстро кивают и уходят, не сказав больше ни слова. Ну, может, не *совсем* нормальный прием, но это явно самая дружеская беседа из тех, что у меня здесь случались до сих пор.

Поворачиваюсь к Лейле, но она выглядит еще холоднее, чем раньше.

– Я что-то не то сделала? – спрашиваю я, и охранник едва заметно поворачивает голову в нашу сторону.

Лейла быстро выходит из комнаты с высоким потолком в коридор. Пройдя примерно полпути, она останавливается и осматривается, чтобы убедиться, что мы одни.

– Аарья... Она – *Шакал*, – шепчет она.

Я в недоумении смотрю на нее – не понимаю, о чем идет речь.

– Но она британка, да?

Лейла качает головой.

– Никто не знает, где она выросла. Она безупречно имитирует акценты. Лучше всех в школе.

Не могу сдержать улыбки.

– Ты что, только что выдала мне чью-то личную информацию?

– Я сказала тебе, что Аарья из Семьи Шакалов, а судя по тому, как ты отреагировала раньше на мой анализ твоей Семьи, могу заключить, что ты – итальянка.

– Я... – Вовремя прикусываю язык, чтобы не поправить ее, ведь она права только наполовину: моя мама была итальянкой, а папа американец. Семья Шакалов? Что-то в этих словах кажется мне смутно знакомым. – Что это значит, она – Шакал?

На ее лице появляется выражение искреннего шока.

– Я же велела тебе прекратить притворяться!

Закрываю рот. Почти уверена, что любой ответ на ее слова будет неверным.

– Тебе не хватит сил пойти против Аарьи, и твоя глупость заденет всех нас.

Я громко выдыхаю.

– Честное слово, не знаю, что тебе на это ответить. Ты не позволяешь задавать вопросы и злишься, когда я говорю, что не знаю, что здесь происходит. Понимаю, тебе, возможно, не нравится Аарья, но, если она хочет со мной пообедать,

не вижу в этом ничего плохого. Разве что ты передумала и внезапно решила мне все объяснить.

Лейла долго и пристально смотрит на меня, как будто хочет о чем-то спросить. Затем, не сказав ни слова, разворачивается и уходит еще быстрее, чем раньше.

– Лейла...

– Мне нужно *подумать*, – на ходу бросает она, и мне приходится чуть ли не бегом догонять ее.

В течение следующего часа Лейла не произносит ни одного лишнего слова, кроме того, что должна.

## Глава пятая

Лейла входит в столовую на шаг впереди меня. Это место будто оформлено в стиле королевского банкетного зала. Здесь три стола. Тот, что по центру, рассчитан человек на двадцать и стоит на некотором возвышении. Перпендикулярно ему расположены два длинных стола, рассчитанных не меньше чем на пятьдесят человек каждый. Вдоль всех столов, накрытых хрустящими белыми скатертями – кстати, очень непрактичный выбор для толпы подростков – и украшенных орнаментом из еловых веток и белых цветов, аккуратными рядами стоят обитые бордовым бархатом стулья. С потолка свисают ажурные металлические люстры с настоящими свечами.

Преподаватели занимают места за столом на возвышении, а ученики тихо и аккуратно рассаживаются по своим местам. Слышится приглушенный гул разговоров, совершенно непохожий на привычный мне хаос школьной столовой.

Я следую за Лейлой к центру одного из длинных столов. Напротив каждого стула стоят фарфоровые тарелки и тщательно начищенное столовое серебро – такое я видела только в кино. Пока я таращусь на роскошно накрытые столы, вдруг слышу, как кто-то зовет меня по имени. Поднимаю взгляд и вижу улыбающуюся мне Аарью.

– Садись, садись, – приглашает Аарья, а Феликс отодви-



гает для меня стул.

– Лейла, – говорю я. – Хочешь...

– Нет, – отрезает она и идет дальше.

Я смотрю в ее удаляющуюся спину.

– Не переживай. Переживаний Лейлы хватит на всю школу, – усмехается Аарья.

Сажусь на отодвинутый Феликсом стул. Чувствую себя как-то странно, поскольку уже привыкла повсюду следовать за Лейлой, хотя уверена, что нам с ней не помешает провести минутку порознь.

– Спасибо, – благодарю я Феликса, который усаживается рядом со мной.

– Тебя здесь все обсуждают. – Аарья придвигает ко мне блюда с жареной цветной капустой и морковью и поддон с лазаньей. Я с радостью их принимаю. – Хотя тебе об этом, конечно, никто не скажет.

Девушка с длинными рыжими дредами, уложенными по центру головы, подобно «ирокезу», поворачивается и смотрит на Аарью.

– Что? – спрашивает Аарья. – Какие-то проблемы?

Девушка качает головой и возвращается к своему обеду, но она совсем не выглядит смущенной. На самом деле я бы даже предположила, что они с Аарьей подруги. Любопытно, что у такого общительного, раскрепощенного человека, как Аарья, такие скованные и сдержанные друзья.

Феликс наливает мне стакан воды. Теперь, сидя так близ-

ко от него, я замечаю, что шрам у него на лице представляет собой непрерывную линию, как порез от ножа или меча. Можно вообразить, что его нанес рыцарь или пират из детской книжки. Шрам совсем бледный, явно давно зарубцевавшийся. Неужели кто-то и в самом деле порезал Феликсу лицо, когда он был ребенком?

– Странно, тут почти никто на меня даже не смотрит, не говоря уж о разговорах.

– Компания здесь не самая дружелюбная, – говорит Феликс, и по его тону ясно, что его это вполне устраивает.

– Говори за себя, – вставляет Аарья. – Со мной весело. Он изгибает бровь.

– Готов поспорить, большинство здесь присутствующих с этим не согласятся.

– Сказал угрюмый Гас с серых и дождливых болот<sup>3</sup>, – говорит она с полным ртом, заставляя меня думать, что Феликс настоящий британец, даже если Аарья – нет.

Он негодующе смотрит на нее.

– Ладно, ладно, – драматично произносит она, будто сдаваясь. – Ты *не* угрюмый. С тобой вообще обхохочешься. Никто не может уgomониться, когда ты рядом. Видимо, ты пошел в...

– Аарья, – резко осаждает ее Феликс, еще больше выпрямляя спину.

Она смеется.

---

<sup>3</sup> Имеется в виду персонаж книги Уолта Мори «Угрюмый Гас».

– Видел бы ты свое лицо, дружок.

Перевожу взгляд с одного на другую и хватаю кусок чесночного хлеба. Школа, конечно, на редкость подозрительная, но еда здесь великолепная.

– Итак, Новембер, расскажи нам о себе.

Я улыбаюсь.

– Я думала, первое правило этого места – ничего не говорить.

– Ты правда думала, что мы не делимся личной информацией? – спрашивает Аарья. – Знаешь, какое еще правило все нарушают? Запрет на свидания.

Я кашляю, поперхнувшись сидром, а Аарья смеется. Ее громкий, непринужденный смех привлекает внимание некоторых сидящих рядом учеников. Она сурово смотрит на них, пока они не отворачиваются.

– Что ж, в таком случае я рада, что скоро поеду домой.

– Домой? – удивленно спрашивает Феликс.

– На каникулы, – поясняю я.

Аарья и Феликс едва заметно переглядываются, и у меня возникает чувство, что они сделали какой-то вывод. Ищу глазами Лейлу и думаю, не пересест ли мне к ней.

– Когда попадаешь сюда впервые, чувствуешь себя не в своей тарелке, – говорит Аарья. – Мы все через это прошли. Но что делать, пришлось привыкать. Хотя мы-то все здесь довольно давно. А тебе сколько, семнадцать?

В ответ я только пожимаю плечами.

– Кажется, для этого места я уже старовата.

Феликс макает кусок хлеба в томатный соус и качает головой.

– Дело не в этом. Просто ты первая, кого мы знаем, кто поступил так поздно. Как тебе это удалось? Наверное, стоило огромных денег.

Его интонация и поза заставляют меня повнимательнее приглядеться к нему. Никогда не встречала никого, кто держался бы, как неловкий ботан из клуба дебатов, обладая при этом внешностью привлекательного пирата.

Аарья кивает.

– Я... – Если расскажу им, что у нас никогда не было много денег, получится, что я говорю о своей семье. А если скажу, что не знаю, то выдам свою невежественность по поводу этой ситуации. Черт возьми! Любой разговор здесь напоминает хождение по минному полю. Я смеюсь, чтобы отвлечь их от своего молчания. – Тайны есть тайны, – в итоге говорю я. Краем глаза замечаю едва уловимую улыбку девушки с дредами. – Но хватит уже обо мне. Что скажешь о себе, Феликс? Судя по ударному «е» в твоём имени, ты, скорее всего, британец? – Я делаю паузу. – Ты знал, что твоё имя означает «удачливый» или «успешный»? А твоё, Аарья, это имя богини Дурги на санскрите, но оно встречается во многих странах. – Постукивая пальцами по столу, стараюсь вспомнить все, что знаю об этимологии её имени. – Но санскрит мертвый язык, не говоря уж о том, что имя Аарья дается как

мальчикам, так и девочкам. Забавно: твое имя такое же переменчивое, как твой акцент. Может, это вообще псевдоним?

Аарья нарочито медленно хлопает в ладоши и громко смеется, отчего сидящие поблизости ученики снова косятся на нее.

– Игра началась! Мне нравится эта девчонка.

Я откусываю кусок лазаньи.

– Ноябрь, – произносит у меня за спиной мужской голос.

Оборачиваюсь и вижу Эша. Он держится непринужденно, но глаза выдают напряжение. Его черные волосы аккуратно причесаны, а ресницы... да они у него длиннее моих.

– Ой, уйди, Эш, – отмахивается Аарья. – Только мы начали веселиться... – Она ударяет рукой по столу, раздается звон тарелок, и девушка с дредами поднимает голову. – Если ты уведешь от нас Ноябрь, я останусь с этой церковной мышкой, – она кивает в сторону девушки, – и осликом Иа, – добавляет она, склоняя голову в сторону Феликса.

– Мне, конечно, жаль портить твою игру – вернее, *веселье*, – говорит Эш голосом, который был бы вполне дружелюбным, если бы лицо не казалось таким суровым, – но Ноябрь еще многое предстоит здесь узнать, и лучше начать сейчас, пока обед не закончился.

Аарья усмехается, но и она, и Эш внешне кажутся совершенно спокойными. А вот мы с Феликсом прямо-таки излучаем нервозность.

– А может, спросим Ноябрь, чего она хочет? А? – Аарья смотрит на меня. – Ты бы предпочла гулять по пустым коридорам с этим льстивым воришкой, который будет оценивать каждый твой шаг, или остаться здесь, спокойно поесть и пошутить с нами?

– Ох, Аарья, неужели ты все еще дуешься из-за пропажи ножа? – спрашивает Эш, и у меня по спине пробегает холодок. Чем доброжелательнее его тон, тем более пугающим он кажется.

Аарья встает так быстро, что стул со скрипом отодвигается назад.

– Ох, Ашай, – медленно произносит она, – как поживает твоя прилежная сестричка? Такая усердная, такая предсказуемая. Если я кого-то и могу всегда с легкостью найти, так это милую Лейлу. – Она говорит с идеальным египетским акцентом, и в ее глазах я вижу угрозу.

Я кладу белую полотняную салфетку на стол.

– А знаешь, кто всегда с Лейлой? Я. Ее соседка по комнате. Которая смогла поступить в эту школу позднее общепринятого возраста, да еще в середине семестра. Интересно, что еще я могу из того, что не по силам всем вам.

Я подсакиваю, но Феликс хватает мой стул и резко отодвигает его.

– Я *знаю*, – шепчет он мне на ухо.

У меня колотится сердце.

– Что, прости?

Но Феликс ведет себя так, будто не говорил ни слова.

Я намереваюсь уйти, но Эш останавливает меня.

– Проверь карманы, Ноябрь, – говорит он, и я послушно делаю, что он велит.

Вытаскиваю из кармана мантии вилку для салата. Не знаю, что это значит, но подозреваю, что ничего хорошего. Эш берет ее у меня из руки и со звоном бросает на стол.

Аарья посылает мне воздушный поцелуй.

Отворачиваюсь и следую за Эшем прочь из столовой, сильно сожалея, что сразу не послушала Лейлу. Как только дверь за нами закрывается, спрашиваю:

– Что это было, черт возьми?

– Выносить что-либо из столовой – против правил, особенно серебро, которое можно использовать в качестве оружия, – поясняет Эш и внимательно смотрит на меня. – Кухонный персонал производит подсчет после каждого приема пищи. Пропавшая вилка могла бы привести к обыску.

– Но когда...

– Когда Феликс отодвинул твой стул, – отвечает Эш, прежде чем я успеваю задать вопрос.

– То есть они хотели меня подставить?

Эш наблюдает за тем, как я обдумываю эту информацию, и я вдруг понимаю, что мы с ним остались наедине.

Бросаю взгляд в оба конца коридора.

– А Лейла с нами не пойдет?

– Нет. Она еще не поела.

– Может, нам стоит... – начинаю я. – Разве она не хотела сама мне все показать?

Эш улыбается, и я инстинктивно делаю шаг назад в направлении столовой.

– Ты сама решила сесть с Аарьей, хотя Лейла говорила тебе этого не делать.

– Может, мы... – Никак не могу придумать причину, чтобы смыться от него.

– Лейла – очень способная девушка, – говорит он, делая акцент на слове «способная», и я не до конца понимаю, что именно он хочет сказать: чтобы я не волновалась насчет угрозы Аарьи или что я не должна была заступаться за Лейлу.

– Я в этом не сомневаюсь, – киваю я.

Эш идет по коридору прогулочным шагом, как будто ничто в мире его не волнует.

Я иду рядом и краем глаза наблюдаю за ним. Пускай он считает, что я не должна была защищать Лейлу, но ведь то, что я это сделала, должно что-то значить, не так ли?

– Если хочешь меня о чем-то спросить, спрашивай, – заволаживающим голосом говорит он.

Я хмурюсь. Он на меня даже не смотрит, но кажется, будто считает каждый мой шаг.

– Мне теперь следует опасаться Аарьи?

– Да. Но не только из-за этого разговора. Когда Аарья обращает на кого-то внимание, это в целом дурной знак. Что



она тебе сказала? Может, я смогу помочь во всем разобраться.

– Вообще-то перед тем, как мы ушли, Феликс прошептал: «Я знаю».

Эш кивает.

– Либо он имел в виду, что знает, кто ты такая, или знает что-то, чего ты не хочешь, чтобы он знал, либо, вполне вероятно, он просто пудрил тебе мозги, чтобы сунуть вилку в карман твоей мантии.

– Ну, он не может знать, кто я, потому что мы никогда раньше не встречались, – возражаю я.

Эш всем своим видом выражает сомнение.

– Это самая наивная логика, какую я слышал за долгое время. Он может знать, кто ты, потому что знает твою семью или откуда-то знал, что ты приедешь. Существует множество причин, по которым люди здесь могут вычислить, кто ты. То, что вы никогда не встречались, не имеет никакого значения.

Секунду смотрю на него. Хочу сказать ему, что я не похожа на остальных учеников и он ошибается, считая, что люди здесь могут узнать меня, но я почти уверена, что, сказав это, что-то о себе раскрою.

– А ты когда узнал, что я приеду?

Он едва заметно улыбается уголками губ.

– Лейла узнала в ночь твоего приезда, за несколько часов до твоего появления.

Мрачно рассматриваю коридор, пытаюсь понять его ответ.

Он говорит лишь о том, что в школе знали о моем приезде. Ну, разумеется. Вряд ли меня бы взяли, если бы я просто так, без предупреждения очутилась у них на пороге. Но это никак не разъясняет, как давно они об этом узнали и сколько всего папа скрыл от меня.

– Аарья еще что-нибудь сказала? – спрашивает Эш, вторгаясь в мои мысли.

– Она хотела, чтобы я рассказала, как мне удалось попасть в эту школу так поздно.

Он останавливается напротив двери. Почему-то он выглядит удивленным.

– Ты всегда говоришь правду?

Замечательно! И как на такое отвечать?

– А ты всегда буравишь людей таким рентгеновским взглядом?

Он смеется, но дружелюбнее от этого не кажется.

Какое-то мгновение мы с ним стоим молча. Я тянусь к двери, но он опережает меня, открывает дверь и, придерживая ее, пропускает меня вперед.

– Комната отдыха учеников продвинутого уровня. – Эш обводит помещение рукой.

Я слегка расслабляюсь. Эта комната с полыхающим в камине огнем, роялем и огромным окном, через которое льется свет, кажется мне самой приятной из всех, в которых я пока что побывала. Вокруг камина стоят уютные диваны и большие кресла с подставками для ног возле журнальных

столиков. Комната такая же роскошная, как и все остальные помещения, но она выглядит обитаемой.

Подхожу прямо к панорамному окну, самому большому из всех, что я видела в этом замке, и прижимаю ладонь к прохладному стеклу. Внизу, в брызгах солнечного света, под покровом дубовых листьев пасутся или лениво дремлют несколько коров. Они напоминают мне коров, которых держит семья Бена, друга Эмили.

*...Мы с Эмили выходим на центральную площадь Пембрука, очень напоминающую типичный вид Коннектикута с открытки: дома в викторианском стиле, кирпичные фасады магазинов и вывески, расписанные вручную. Этим поздним субботним утром люди выгуливают собак, покупают продукты на фермерском рынке посреди площади и роятся в сокровищах антикварной лавки.*

– Что вы с Беном сегодня делаете такого важного, что вы не можете пойти в кино? – спрашиваю я Эмили.

*Она пожимает плечами, отводя от меня взгляд.*

– Ничего особенного. Тусуемся у него дома.

*Я останавливаюсь напротив закусочной «У Люсиль», якобы лучшей в Пембруке, а на самом деле единственной в городке.*

– Ничего особенного? И это говорит девчонка, которая за последние две недели пересказала мне абсолютно все, что касается Бена?

– По-моему, он хочет мне кое-что показать.

– Что?

Щеки Эмили розовеют.

– Ничего особенного.

Я усмехаюсь.

– Умение расстегивать твой лифчик?

Лицо Эмили становится пунцовым, и я не могу сдержать улыбку.

– Нет, дуреха! Ты же знаешь, он меня еще даже не целовал.

Я шевелю бровями.

– Что ж, попробую угадать.

Она бросает взгляд на других пешеходов – все до одного нам хорошо знакомы – и угрожающе шипит:

– Даже не вздумай!

Изображаю глубокую задумчивость.

– Гммм. Так, посмотрим. Может, Бен Эдвардс хочет, чтобы ты...

– Он хочет, чтобы я помогла ему подоить коров, понятно? – кричит Эмили.

Смотрю на нее, вытаращив глаза от изумления.

– Постой, дай-ка разобраться. Эмили Бэнкс, которая любую грязь воспринимает как злейшего врага, которая в прошлом году явилась на выпускную тусовку у костра в чаще леса в туфлях на высоких каблучках, собирается возиться на ферме?

– Заткнись. Это не смешно. – Но она уже широко улы-

бається.

– Я бы поспорила, – изрекаю я, трясясь от еле сдерживаемого смеха.

Она тоже пытается сдержаться, но сдается, и вот мы обе уже хохочем во все горло.

– Вы так и собираетесь, как дурочки, торчать у меня перед дверью, загораживая вход платежеспособным клиентам, или все-таки зайдете и отведаете клубничных пирожных? – спрашивает Люсиль, открывая дверь в закусную. Ее седые волосы, заплетенные в растрепанную косу, свисают через плечо.

– Клубничные пирожные! – визжит Эмили.

Люсиль скрывает улыбку. Она крестная Эмили и прекрасно знает, что клубничные пирожные – ее любимое лакомство.

– Заходите, пока не выпустили все тепло. – Она загоняет нас внутрь.

– Ты по нам соскучилась? – спрашиваю я, целуя ее в щеку.

– Почти как по геморрою, – говорит она, ведет нас к нашему любимому столику у окна и снимает с него табличку «зарезервировано»...

Разглядывая коров, я чувствую на себе взгляд Эша.

– Лейла сказала, тебя не готовили к поступлению в эту школу.

Улыбка сходит у меня с лица, и я тут же осматриваю комнату. Здесь только одна дверь – та, через которую мы вошли.

– А Лейла еще думала, что я прикидываюсь.

– Это так? – спрашивает он, и его наглый взгляд делается еще и агрессивным.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь назад к окну, стараясь держаться небрежно, хотя сердце у меня бешено колотится.

– Интересно, – замечает он.

– Что интересно? – спрашиваю я, нарочито выделяя слово «что».

– Что тебя не готовили.

Смотрю ему прямо в глаза.

– Я этого не говорила.

– Говорила, – утверждает он. – Если бы тебя подготовили, но ты стратегически притворялась, что это не так, ты бы ни за что не привлекла мое внимание к этому факту. Ты бы продолжала играть взятую на себя роль. А еще у тебя сердце забилося быстрее, когда я начал задавать вопросы, и ты отвела взгляд.

Я хмурю брови.

– Откуда ты знаешь, что у меня сердце забилося быстрее?

– По вене у тебя на шее.

– Держись подальше от моей шеи, – возмущаюсь я совсем в духе Эмили.

Он усмехается.

– А еще ты едва заметно покачала головой, давая понять, что твой ответ – нет. И ты часто дышала ртом, а не носом,

что указывает на волнение. — Он замолкает и ждет, пока я подберу челюсть с пола. — То, что ты умеешь делать с именами — раскладывать их по полочкам и определять по ним людей, — я умею делать с языком тела.

— Ясно... — После такого анализа мне как-то не хочется больше с ним разговаривать.

— Ты соседка моей сестры. У него на лице все то же обманчиво доброжелательное выражение. — Не лги мне, я все равно об этом узнаю.

— Это угроза?

— Пока нет, но может стать.

Я тру лицо руками.

— Знаешь что? Я, наверное, пойду обратно в столовую.

— Обеденный зал, — поправляет он.

Грудь у меня поднимается немного чаще, и я уверена, Эш это заметил. Поэтому я отворачиваюсь от окна.

— Тебе здесь не нравится, — говорит он, и я замираю. Чертовски бесит его способность читать меня, как открытую книгу. — Если бы ты не раскрывала свои карты всем подряд, тебе бы, наверное, здесь больше понравилось.

— Мне бы здесь больше понравилось, если бы все в этой школе были менее жутковатыми, — раздраженно огрызаюсь я, отчего его улыбка становится только шире. — И прекрати так улыбаться. Если кто и должен вести себя менее вызывающе, так это ты со своим злорадством.

Он смеется, и это как будто удивляет его не меньше, чем

меня. Он замолкает, а потом говорит:

– Ты не очень умно повела себя с Аарьей.

– Я встала на *защиту* твоей сестры, – фыркаю я.

– Ах, вот что ты, по-твоему, делала! – Он качает головой, и его лицо становится более серьезным. – Ты показала Аарье, что неразборчива в своих привязанностях. Что ты считаешь себя союзником своей соседки, хотя знаешь ее меньше суток. Что ты слишком эмоциональна и что, угрожая людям вокруг тебя, она может добиться от тебя определенной реакции. Может, даже ранить тебя. Ты не защитила Лейлу, ты сделала ее мишенью.

Я стискиваю зубы.

– Опять эти психологические игры. Обман. Почему кто-то вообще *захочет* ранить меня? Я пробыла здесь один день. Отстойная школа. Жду не дожусь, когда пройдут мои две недели.

Эш едва заметно отступает, как будто мои слова ошеломили его.

– Две недели?

– Ну да, до праздников.

– Праздников, – повторяет он, и по его виду я понимаю, что опять ляпнула что-то лишнее.

Стоит ли спрашивать?

– Знаешь, Аарья так же посмотрела на меня, когда я ей об этом сказала.

Эш свистит, как будто хочет сказать: ну надо же!



– Мы не ездим домой на праздники. Теперь Аарья знает, что ты понятия не имеешь, как работает эта школа, и не ориентируешься в здешних порядках.

– Постой... *Мы* – это вы с Лейлой или вообще все?

– Все, – говорит он. Мне кажется, будто из комнаты вдрут выкачали весь воздух. – В школе не отмечают праздников – вообще никаких, кроме, разве что Нового года. Но Новый год у всех учеников приходится на разные даты, так что практически мы ничего не празднуем.

Быть не может! Папа точно сказал: *несколько недель*. Значит, я не увижу, как на городской площади зажгут гирлянды на дереве, не услышу рождественские песни в Пембруке, пропущу дурацкую пьесу, которую каждый год ставит местный театр, и то, как Люсиль зажигает менору, а затем подает домашний пряный сидр и свежие пончики. Я потираю лоб и поджимаю губы. В горле встает ком. Но... если я попала сюда так, как не попадал никто, так может, сумею и выбраться... Эш замечает, что я расстроена, но впервые не ехидничает. Он смотрит на меня так, словно я кубик Рубика.

– Мне еще не доводилось встречать кого-то, кто не хотел бы здесь оказаться, кто не считал бы это честью.

Я усмехаюсь.

– Трудно в это поверить. Здесь никто не смеется. Нет легких приятельских отношений. Нет *веселья*.

– О, здесь полно веселья. Я просто не уверен, что тебе так покажется. Или что ты сумеешь за нами угнаться.

Секунду изучаю его.

– Давай проверим.

Он задумывается.

– Посмотрим. По пятницам и субботам комендантский час начинается после полуночи. А с двенадцати до двенадцати десяти происходит смена караула, так что на дежурстве остается примерно треть охранников. Если думаешь, что справишься, давай встретимся завтра ночью у лиан.

Я разглядываю его лицо. Он приглашает меня тайно полазать по деревьям? Он попал в точку. Лейла, наверное, рассказала ему, в каком восторге я была от того внутреннего двора.

– Или нет? – улыбаясь, продолжает он.

Изо всех сил пытаюсь скрыть, насколько меня воодушевляет эта идея.

– С чего вдруг я должна тебе доверять?

– Ты и не должна.

Я фыркаю.

– Но я думаю, – продолжает он, – что раз тебя не подготовили к приезду сюда, у тебя, верно, имеются вопросы.

Косо смотрю на него. Черт побери, а он симпатичный...

– Хочешь сказать, что ответишь на мои вопросы?

Скрипит дверь, и в комнату бесшумно и грациозно входит Лейла.

Я едва успеваю моргнуть, как поведение Эша меняется. Он отдаляется от меня и лениво прислоняется к окну, как

будто мы только что ни о чем не говорили.

– Привет, Эш, – говорит Лейла и показывает ему косичку из сосновых иголок. – Один – ноль.

## Глава шестая

Я лежу на кровати и тереблю кончик косы. Пламя свечи на прикроватном столике подрагивает, отчего тени на потолке напоминают мультяшных привидений.

– Абсурд какой-то, – повторяю я в пустоту уже второй раз.

Наверняка папа знал об этой школе, потому что, как мне представляется, ты либо в курсе здешних дел, либо вообще ничего не знаешь. Каким-то образом ему удалось пристроить меня сюда, хотя в семнадцать лет, как выяснилось, в эту школу уже не принимают. И неспроста он выбрал для меня именно это место на то время, пока будет заниматься делами тети Джо.

Он сказал: *Клянусь тебе: ты знаешь ровно столько, сколько нужно для твоей безопасности.* Может, я знаю что-то, о чем, как мне кажется, сама не подозреваю? Возможно, все это – лишь тест, расширенная версия наших стратегических игр на свежем воздухе, однако я не могу отделаться от ощущения, что у меня есть повод для беспокойства – о тете Джо, о папе и, вполне вероятно, о том, что я здесь.

Перекатываюсь на бок. Когда Блэквуд у себя в кабинете вскользь упомянула о том, что папа когда-то здесь учился, я для себя решила, что вряд ли такое возможно, но теперь уже ни в чем не уверена. А *если* он здесь учился, это значит, что все его истории о детстве в штате Мэн и о том, что

он – обычный деревенский парень, на самом деле вранье? Неужели папа обманывал меня всю жизнь? От этой мысли у меня сводит живот. Но если все, что он сказал мне о тете Джо, правда, я готова простить ему ложь про Мэн. Я много с чем могу смириться, но только не с тем, что мои родные в серьезной опасности, а я не могу быстро до них добраться.

Встаю с кровати и открываю дверь. Лейла сидит, поджав ноги, на светло-сером бархатном диване и читает книгу. Бросив взгляд на часы, которые показывают одиннадцать пятьдесят, направляюсь к двери. Если завтра ночью я собираюсь тайно выскользнуть из комнаты, надо бы посмотреть, какие препятствия могут возникнуть у меня на пути.

Я касаюсь рукой железной щеколды. Лейла отрывается от книги в потертой тканевой обложке и с выцветшим золотым заглавием.

– Сейчас комендантский час.

– Я просто хочу выйти в коридор.

Лейла качает головой. Ее волосы колыхнутся, словно чернильная вода.

– Ну, если хочешь получить метку...

– Метку?

– За то, что вышла во время комендантского часа, за попытку открыть замок в запретной зоне, за то, что открываешь шторы ночью так, что видно свет, и тому подобное. Получишь три таких метки, и тебя накажут по усмотрению персонала.

– Например, как?

– Зависит от человека. Но наказания всегда страшные.

Так и хочется сказать ей, что ее брат предложил мне встретиться в саду с лианами *во время* комендантского часа, а за это, наверное, полагается целых двадцать меток.

– Лейла...

Она закладывает страницу пальцем.

– Да?

Стараюсь аккуратно подбирать слова.

– Если я спрашиваю о чем-то, о чем не должна, можешь не отвечать. Но ты была права насчет Аарьи. Я ошиблась. И не хочу снова оступиться.

От нее уже не так веет холодом.

Делаю глубокий вдох, стараясь не торопиться.

– Я никогда раньше не встречала никого из... Семьи Шакалов и... ну... Даже не знаю, как лучше это сформулировать... Ты можешь *что-нибудь* мне рассказать?

Она поджимает губы и разглядывает меня, как будто пытается принять решение.

– Только то, что истории о них – в основном правда. Мы на девяносто процентов уверены, что Семья Шакалов в ответе за то, что кучер Франца Фердинанда повернул не туда в тысяча девятьсот четырнадцатом, из-за чего эрцгерцог и его жена были убиты и началась Первая мировая война. Мы также не сомневаемся в их причастности к тому, что в тысяча четыреста пятьдесят третьем в Константинополе «случай-

но» оказались открыты ворота, что привело к падению города и гибели императора Константина. Не говоря уж о «случайном» пожаре в лондонской пекарне в тысяча шестьсот шестьдесят шестом, который уничтожил более тысячи трехсот домов, и других инцидентах. Я не говорю, что Шакалы вызывают сплошной хаос, ты ведь сама знаешь, ни одна Семья не совершенна. У всех нас за спиной имеется длинный список ошибок. Но я *точно* могу сказать, что Шакалы, скорее, служат самим себе, нежели Совету Семей. А поскольку они живут во многих странах, их гораздо сложнее вычислить. Они говорят на всех языках и везде выглядят своими. Они больше всех остальных Семей соответствуют своей характеристике. Лживые. Изобретательные. Хитрые. И при первой же возможности они причинят тебе вред.

Я замираю, но не потому что Лейла намекнула, что родственники Аарьи развязали Первую мировую, а потому что характеристика, которую она им дала, колоколом звонит у меня в голове. *Лживые. Изобретательные. Хитрые.* И теперь я вспомнила, откуда мне известно о Семье Шакалов. От мамы.

Щеколда двигается под моей рукой, и я отскакиваю назад. Дверь распахивается, на пороге стоит охранник с крестообразным шрамом над бровью. Увидев меня, он едва заметно шурится. Секунду мы смотрим друг на друга, но как только я раскрываю рот, чтобы спросить, в чем дело, он уходит, не проронив ни слова.

Вопросительно смотрю на Лейлу. Она уже встала с дивана и мечется по комнате.

– Одевайся. Скорее!

Бегу к себе в комнату и хватаю с пола одежду. Одеваюсь за минуту, но когда выхожу, Лейла уже стоит у открытой двери с таким видом, словно прождала меня несколько часов.

Она кидает мне мантию, и я на полной скорости выбегаю за ней в коридор. Из открытых дверей льется свет и торопливо выскакивают ученики. Очень хочется спросить Лейлу, что все это значит, но не хватало еще выставить свое невежество напоказ перед остальными.

Мы идем вслед за другими девушками из нашего коридора, поднимаемся на три пролета в вестибюль, который ведет в сад с лианами. Этот вестибюль выглядит точной копией вестибюля со щитами и статуей рыцаря в южном крыле, но здесь нет ничего, кроме двух факелов на стенах и нескольких выцветших гобеленов.

Девушки рассаживаются на полу, скрестив ноги, расположившись в форме буквы U. Мы с Лейлой присоединяемся почти последними. Быстро произвожу подсчет – вместе со мной получается двадцать пять человек. Может, здесь только ученицы продвинутого уровня?

Напротив нас сидит Аарья и, глядя на меня, усмехается. Ее молчаливая подруга с рыжими дредами треплет подол своей мантии. Я смотрю на Аарью, гадая, какое отношение ее Семья имеет к придуманной мамой игре, в которую мы с



ней играли в моем детстве. По крайней мере, я всегда думала, что такая игра известна только в моей семье.

– Добро пожаловать, – спустившись по лестнице, говорит Блэквуд.

На ней та же блузка с кружевами, блейзер и черные брюки, что и прошлой ночью. То, что здесь никто не меняет одежду, немного пугает. Даже волосы директрисы затянуты все в тот же болезненно тугой пучок.

– Полагаю, что когда мы сегодня обыщем ваши комнаты, то не найдем ничего подозрительного, – говорит Блэквуд, оглядывая нашу группу.

Все кивают. Судорожно сглатываю, вспомнив о вилке, и думаю, что надо спросить Лейлу, не знал ли Феликс откуда-нибудь, что сегодня ночью будет обыск.

– Как вам всем известно, у нас новая ученица, – говорит Блэквуд, глядя на меня. – Поэтому я решила, что мы сыграем в стратегическую игру. – Она переступает с ноги на ногу и натянуто улыбается. – Мы часто обсуждаем лучших учеников нашей школы, их успехи и достижения, достойные восхищения. Но мы редко говорим об их провалах. – Она делает паузу. – Двадцать пять лет назад в этой школе училась девушка, которая на четвертом году обучения выиграла все до единого ночные соревнования по стратегии. Все. До. Единого. Однако интересно то, что в первые три года она так часто проигрывала, что соученики, когда им приходилось играть против нее, только закатывали глаза. Как вы это объясните?

– В течение трех лет она определяла стратегические недостатки других людей, – говорит Аарья, на этот раз с итальянским акцентом. – А когда она собрала достаточно информации, то составила перечень чужих сильных и слабых сторон, что позволило ей с легкостью ориентироваться в них. Кроме того, на ее стороне был фактор неожиданности, поскольку все считали, что она проиграет.

– Совершенно верно, – кивает Блэквуд. – Внимательное наблюдение дает ни с чем не сравнимое преимущество. Взять, к примеру, Инес – она замечает детали, которые большинство из вас упускает из виду. – Она смотрит на молчаливую подругу Аарьи, которая слегка вздрагивает, получив похвалу.

По другую сторону от Аарьи миниатюрная девушка бросает на Инес взгляд, который, как мне показалось, полон яростной ревности. Аарья смотрит на нее, и девушка отворачивается, но тут явно что-то нечисто.

– Все вы изучали вербальные и невербальные знаки, – продолжает Блэквуд. – Вы мастерски анализируете, но у вас также есть эго. И если ваше желание победить одержит верх над умением внимательно наблюдать, значит, вы многое упустите. Та девушка не совершила подобной ошибки.

Блэквуд сцепляет руки за спиной.

– Рассмотрим и такой пример: в середине девятнадцатого века на глазах у двенадцатилетней Маргарет Найт поломка станка на хлопкопрядильной фабрике привела к тому, что

рабочий получил травму. В результате она изобрела стопор для станка, который оказался невероятно популярным. К сожалению, она не получила признания, поскольку была слишком юна, чтобы подать заявку на патент. Но в момент изобретения ее волновал не патент, а сама проблема. Если хотите достичь истинного величия, вы должны уметь находить решение проблемы даже тогда, когда вам нет от этого прямой выгоды. Что еще мы можем заключить о нашей бывшей ученице?

Лейла едва заметно шевелится рядом со мной.

– Чтобы выиграть каждое соревнование в течение года, ей нужно было не просто собрать информацию о других учениках, – говорит она. – Ей нужно было знать, как мыслит каждый из них, а затем самой мыслить иначе. Мы всегда ожидаем, что люди будут реагировать так же, как мы сами, – если, например, мы их ударим, они ударят в ответ, или если мы им поможем, они будут благодарны, – а потом, когда они ведут себя вопреки нашим ожиданиям, нас это удивляет.

Блэквуд одобрительно смотрит на Лейлу.

– Леонардо да Винчи не ограничивался изучением одной области. Он интересовался искусством, анатомией и инженерным делом, помимо прочего. Он видел мир не таким, каким тот был, но таким, каким мог быть. И он комбинировал свои интересы, чтобы претворять в жизнь такие идеи, как полет человека. Он знал, что существует *множество* способов решить одну и ту же проблему, если тебе хватит храб-

рости вообразить их. Так что ты права, Лейла, эта девушка поступала именно так. Она делала то, чего никто не ожидал, снова и снова, и стоило людям решить, что они знают ее следующий ход, как она вновь меняла тактику. Она была самым потрясающе смелым стратегом из всех, кого когда-либо видела эта школа.

Судя по выражению лиц других девушек, они воспринимают этот урок весьма серьезно. На их лицах написано восхищение и, как мне кажется, амбициозное желание совершенствоваться. Интересно, знают ли они, кого Блэквуд имеет в виду?

– А теперь перейдем к соревнованию, – объявляет Блэквуд и находит меня глазами. – Ноябрь, встань.

У меня так громко колотится сердце, и я уверена, что стена, которую заметил у меня на шее Эш, видна всем.

Блэквуд жестом велит мне подойти к ней.

– Повернись.

Я встаю лицом к другим девушкам. Они смотрят на меня без всякого выражения – все, кроме Аарьи, которой, судя по всему, весело. Эти девушки, похоже, съехались со всех концов света, но разговоры я слышала только на английском. Что ж, и на том спасибо: единственное, что сделало бы это место еще менее понятным, это если бы я, ко всему прочему, еще и не понимала, кто что говорит.

– Правила следующие, – объясняет Блэквуд, развязывая мою мантию, которая с шелестом падает на пол. Холодный

ночной воздух тут же проникает сквозь одежду. – Никакого света, покидать это помещение запрещено.

Я быстро осматриваюсь. Возле двери во двор стоит охранник, еще один напротив Блэквуд у подножия лестницы, и по одному у каждого выхода в коридор. За спинами коридорных охранников факелы уже погасли.

– Каждая участница получит по такому лоскуту. – Блэквуд демонстрирует два куска серой ткани. – Их нужно прикрепить к вашим брюкам сзади, и они должны все время оставаться там. Ваша задача – украсть лоскут соперницы. Побеждает та, которая сделает это первой.

*Боже мой!* Я снова осматриваюсь, на этот раз наспех создавая в уме карту помещения. Лестница находится прямо у меня за спиной. Справа – гобелен и коридор с охранником. Еще один гобелен, трещинка в стене чуть ниже уровня моей талии, над трещинкой – факел, потом гобелен, дверь. Противоположная стена – зеркальное отражение первой, только без трещины.

– Нам понадобится еще одна участница, – говорит Блэквуд. Аарья тут же поднимает руку. – Все остальные должны оставаться на своих местах. Ноябрь, твоей соперницей будет... – Она бегло осматривает группу и останавливается на миниатюрной девушке рядом с Аарьей, которая с завистью смотрела на Инес. – Никта.

«Никта, – переводит мой мозг, – греческая богиня ночи, мать сна и... *ах да, смерти*».

Судя по тихим вздохам и смешкам, это имя ей, видимо, подходит. Девушка скидывает мантию и встает слева от меня, бросает на меня взгляд, и я вижу, что она уже решила: я не представляю угрозы. Что ж, посмотрим...

Никта так мала ростом, что едва достает мне до плеча. Теперь, когда она так близко, я замечаю тонкую черную линию над ее верхними ресницами, образующую стрелки в уголках глаз, что делает ее глаза похожими на кошачьи. А поскольку Блэквуд запрещает личные вещи, могу лишь предположить, что Никта либо сама изготавливает косметику, либо эта линия – татуировка. Обычно я не оцениваю противников по макияжу, но в данном случае это говорит о том, что она находчива, упряма и не склонна подчиняться чужой воле.

Блэквуд прикрепляет лоскуты к нашим легинсам сзади. Снова смотрю на трещину в стене. Кажется, она как раз на уровне серого лоскута Никты.

Блэквуд берет нас за руки и разводит в разные стороны – меня вправо, Никту влево. Потом кивает двум охранникам позади нас, и они идут к факелам в разных концах вестибюля. Ближе всех ко мне оказывается тот самый охранник – с крестообразным шрамом. Надо же, этот парень прямо-таки вездесущий.

Охранники поднимают над факелами шесты с металлическими конусами и гасят пламя. Комната погружается во мрак – как при игре вслепую. И я уверена, что даже когда

глаза привыкнут к темноте, легче не станет: здесь нет окон.

Со стороны коридора раздается стук, наверняка сигнализирующий, что охранники вернулись на свои посты. В комнате царит пугающая тишина. Не слышно даже дыхания.

– Начинайте, – командует Блэквуд и отпускает мою руку.

Сердце уходит в пятки. Ничто так не вселяет ужас, как ощущение абсолютной темноты, в которой на тебя, вероятно, охотится греческий ниндзя. А если я плохо проявлю себя в этом упражнении, вся школа поймет, что я муха в гуще пауков.

Делаю несколько осторожных шагов, выходя за пределы круга сидящих девушек.

Видимо, я прохожу очень близко к крайней девушке, потому что ощущаю тепло ее тела. Сапоги бесшумно передвигаются по каменному полу. Но вся беда в том, что шагов Никты тоже не слышно. «Только бы добраться до того факела...»

Я обхожу девушек сзади, почти вплотную к их спинам, пока, как мне кажется, не достигаю примерного положения факела. Осторожно выставляю руки вперед, пытаюсь почувствовать тепло Никты, но ощущаю только холодный воздух. «Ну, удачи мне!» Делаю шаг в сторону стены, и тут что-то задевает мою лодыжку, и я, не удержавшись, с шумом падаю вперед. Кто-то смеется; бьюсь об заклад, что это Аарья. Эта девчонка мне уже порядком надоела.

– Жульничаешь, Аарья, – возмущаюсь я. В обычное время

я бы спокойно продолжала игру, но не могу допустить, чтобы Блэквуд и все девушки решили, будто я так плохо ориентируюсь в темноте, что спотыкаюсь на ровном месте.

— Кто жульничает? Я же не виновата, что ты такая неуклюжая, — отвечает Аарья с американским акцентом, идеально копирующим мой.

Чиркает спичка, и комнату озаряет свет.

Блэквуд держит перед собой свечу.

— Хватит. Аарья, ты не участвуешь в этом соревновании. Я же велела всем оставаться на своих местах. Но, Ноябрь, сюрпризы — дело обычное. Люди не всегда следуют правилам. Ты полагала, что смысл этого соревнования заключается в честной игре?

Все мы смотрим на нее, в том числе Никта, которая стоит рядом со мной, сжимая в руках мой лоскут, и улыбается так, словно хочет сказать: «Так и знала, что надеру тебе задницу». Это даже не злорадство, а констатация факта.

Вот черт! Мало того что я проиграла, так меня еще и выставили душой.

— Разрешите мне попробовать еще раз, — прошу я.

— Ты проиграла, Ноябрь, — говорит Блэквуд.

— Знаю. Но вы только что рассказали нам о девушке, которая проигрывала, чтобы победить, — с улыбкой парирую я. — Посмотрим, сможет ли Никта победить без помощи Аарьи.

— Чтобы победить тебя, никому не нужна помощь Аарьи, — резко отвечает Никта, и я вижу, что ее раздражает сама



мысль о повторном состязании. Судя по акценту, она действительно гречанка.

В комнате царит полнейшая тишина. Все переводят глаза с меня на Блэквуд. Директриса шевелит губами, будто пробует эту идею на вкус, затем небрежно кивает. Я без промедления занимаю стартовую позицию, пока она не передумала.

Блэквуд снова прикрепляет нам лоскуты. Поглядываю в сторону Никты, а та мрачно смотрит на меня. Анализирую свои действия: уж не совершила ли я большую ошибку? В конце концов, она пошла прямо на меня, даже не пытаясь обойти круг с другой стороны.

Блэквуд задувает свечу. Комнату снова поглощает тьма. Через три удара моего сердца она отпускает руку.

Бегу к стене, даже не пытаясь не шуметь. Хлопаю рукой по камню и слышу, как девчонки хихикают. Быстро ощупываю стену, пытаясь найти трещину. «Вот она». Поднимаю руку, хватаю незажженный факел и со всей силы кидаю его на другой конец комнаты подальше от девушек.

Он с грохотом катится по полу. Раздаются удивленные вдохи. Я хватаю край тяжелого гобелена и тяну его на себя, затем резко отталкиваю, и он с шорохом отлетает в том направлении, где, как я надеюсь, стоит охранник со шрамом. По скрипу кожаной одежды я понимаю, что охранник пытается изменить позу, и я рада, что достигла цели. Посреди всего этого шума я цепляюсь обеими руками за пустое крепление для факела у себя над головой.

Слышу, как девушки перешептываются. Подтягиваю ноги к рукам, прочно упираюсь сапогами между железными кольцами для поддержания равновесия и чтобы снять вес с рук. Железо удивительно прочное, и за него легко держаться, но я все равно не смогу долго оставаться в такой перевернутой позе. Блэквуд призывает девушек к тишине, и я не могу не улыбнуться: папа всегда говорил, что если не можешь сделать что-то незаметно, создай вокруг себя неразбериху.

Осторожно закусываю косу и вытягиваю правую руку вдоль стены. Нахожу трещину в камне. И жду.

Всего через две секунды воздух около руки становится теплее. Я затаила дыхание. Никта *снова* пошла прямо на меня. Надо же, эта девчонка не шутит. Если она за тобой охотится, то уж выкладывается по полной. Судя по тому, что я не слышу ее дыхания, хотя наши головы довольно близко друг от друга, она, очевидно, стоит ко мне спиной. Вытягиваю руку, но, неверно рассчитав ее рост, хватаю за рубашку выше талии. К счастью, захватываю и кончик лоскута. Крепко зажав его между пальцами, тяну на себя.

Никта удивленно взвизгивает.

Блэквуд зажигает свечу, и все присутствующие смотрят на нас, жмурясь от бледного света. На их лицах написано явное изумление. Я отцепляю ноги от крепления для факела и спрыгиваю на пол.

Никта прищуривается.

– Победить *второй* – все равно что проиграть, – бормочет

она.

Я улыбаюсь.

– Но разве мы не усвоили сегодня, что запоминается именно *последняя* победа?

– Молодец. – Блэквуд кивает в сторону лоскута, который я держу в протянутой руке. По ее тону я понимаю, что она как будто вздохнула с облегчением, решив не исключать меня из школы прямо сейчас.

– Нельзя победить второй, если ты уже мертва, – говорит Никта так тихо, что я едва различаю ее слова.

Улыбка сползает с моего лица. Эта девица целеустремленная, внимательная и прямолинейная, и я ей явно не нравлюсь. У меня возникает ощущение, что, победив сегодня, я проиграю в недалеком будущем.

## Глава седьмая

Раздвигаю шторы, и в спальню врывается свет, окрашивая комнату своим неярким, теплым сиянием. Но пол холодный, как лед, и, едва коснувшись его босыми ногами, я подскакиваю, хватаю отброшенные ранее носки и чуть не падаю, пытаясь побыстрее их натянуть.

Холод отрезвляет меня, и я мысленно возвращаюсь к событиям прошлой ночи: соревнованию, угрозе Никты и разговору с Лейлой о Шакалах. Лейла назвала Семейю Аарьи *лживыми, изобретательными и хитрыми* – именно такими словами моя мама описывала одно семейство плюшевых животных в игре, в которую мы играли, когда я была маленькой, и это не может быть простым совпадением. Мама говорила, они с тетей Джо играли в эту игру со своей матерью в Италии. Каждое семейство животных характеризовалось тремя словами, и все они отпечатались у меня в памяти, подобно детским стишкам.

Я замираю, ощущая внутри неприятный холодок. Вчера мне это не пришло в голову, но сейчас я вспомнила: когда папа зашел ко мне в комнату, чтобы сообщить об этой школе, он взял в руки одну из моих старых плюшевых игрушек и сказал: «Помнишь игру, в которую вы с мамой играли? Я никак не мог оторвать вас от нее».

Потом он улыбнулся своим воспоминаниям, как часто

улыбался, когда речь заходила о маме. Тогда я не придавала этому значения, но сейчас...

Задумавшись, открываю дверь спальни и едва не выскакиваю из носков, которые только что надела. По ту сторону, подняв руку, чтобы постучать, стоит молодая женщина, слегка за двадцать, со свежевыглаженной одеждой в руке. Она одета в бордовое шерстяное платье и накрахмаленный белый... кажется, капор? На щеках играет приятный естественный румянец, напоминающий мне о розах.

– Я не хотела пугать вас, мисс Новембер, – говорит она. – Я только хотела сообщить, что принесла утренний чай с хлебом и джемом по просьбе мисс Лейлы.

Она изучает меня, как будто пытается запомнить каждую деталь, но у нее не такой угрожающий взгляд, как у учеников и преподавателей этой школы. Он полон тепла и искреннего любопытства.

Я прижимаю руку к сердцу, как будто это каким-то образом поможет замедлить мой пульс.

– Нет-нет. Дело не в вас. Извините. Просто я не ожидала увидеть кого-то за дверью.

Она делает быстрый реверанс и широко улыбается.

– Я Пиппа, ваша с мисс Лейлой горничная. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, дайте мне знать, – представляется она, и я замечаю в ее речи итальянский акцент.

Она проходит мимо меня в комнату и раскладывает принесенную одежду на сундуке в изножье кровати.

«Пиппа, – думаю я. – Возможно, это уменьшительное от Филиппа, женской формы имени Филипп, что означает... *друг лошадей?*» Кажется, это имя ей подходит. Ее жизнерадостный вид напоминает мне о залитом солнечным светом пространстве вне мрачных стен этого дома.

– Спасибо, – говорю я, когда она начинает расправлять одеяла. – Но вам не обязательно... Я лучше просто... Спасибо.

– Никаких проблем.

Она возвращается в общую комнату. Я следую за ней.

Лейла уже сидит за столом возле стрельчатого окна. При виде свежей выпечки мне хочется всех обнять.

– Боже мой, Пиппа, ты спасла мое утро! – восклицаю я, широко раскрыв глаза.

Сажусь и радостно расстилаю на коленях салфетку.

– Я взяла для вас самый свежий батон, – с гордостью заявляет Пиппа. – Схватила его, как только повариха достала из духовки.

Отламываю кусочек хлеба, и в холодном утреннем воздухе вижу поднимающийся от него пар.

– Думаю, ты мой новый любимый человек!

– Спасибо, – лаконично произносит Лейла, прежде чем Пиппа успевает что-нибудь ответить. По ее тону я понимаю, что она пытается поскорее выпроводить горничную.

– Да, спасибо! – вставляю я, цепляя ножом немного золотистого масла.

Дверь щелкает, закрываясь, и Лейла хмурится.

– Что? – с набитым ртом спрашиваю я.

Лейла потягивает чай.

– Ты всегда такая дружелюбная с незнакомыми людьми?

– Вообще-то... да.

Я бы сказала ей, что она рассуждает в точности как мой отец, который вечно упрекал меня в излишней доверчивости, но этим я бы нарушила первое правило.

– Не стоит так себя вести.

Я вытираю рот салфеткой и внимательно смотрю на Лейлу.

– По-моему, Пиппа очень милая. Тебе не кажется, что не слишком приятно обслуживать кучку помешанных на тайнах людей в замке без электричества, расположенном бог знает где? Я уверена, она оценит доброе слово.

Лейла молчит, как будто не знает, что обо мне думать.

– Все члены Альянса Стратегов так или иначе служат своим Семьям, Новембер. Этого никому не избежать. К тому же Пиппа проведет здесь всего несколько лет, если сама не захочет остаться.

Я замираю, держа хлеб на полпути ко рту. Ощущаю легкое покалывание на коже. Вот это название я точно раньше слышала.

– Значит, Пиппа – член Альянса Стратегов? – спрашиваю я, пытаюсь произнести это слово как можно более естественно и непринужденно.

– Да. В Академии все Стратеги: профессора, кухонный персонал, охранники, люди, которые присматривают за животными. Ты же не думала, что мы допустим кого-то, кто не является Стратегом, *сюда?* – Она удивленно смотрит на меня.

– Нет, наверное, – отвечаю я. Мало того что она считает, что я знаю, кто такие Стратеги, так она еще и утверждает, что *все* в школе ими являются. Что в таком случае это значит для меня? Наливаю себе чаю, пытаюсь придумать, как, не выдав себя, попросить ее объяснить. В итоге я начинаю издалека: – В этой школе не преподают информатику. – *Шпионам и убийцам нужна техника.* – Почему?

Лейла пожимает плечами.

– Ненужная трата времени. У нас на все только четыре года. Технические навыки можно приобрести и дома. К тому же это не так важно, поскольку в каждой Семье есть специалисты по технике.

Специалисты по технике, обязательная работа на Семью, Совет Семей, о котором Лейла упомянула вчера ночью, и ученики, кем бы они ни были... Кажется, эти Семьи обладают самоуправлением, независимостью и *властью*.

Лейла странно смотрит на меня.

– Допивай побыстрее. Нам все равно надо в обеденный зал, чтобы встретиться с Эшем.



– Нам не нужны учебники или еще что-нибудь для занятий? – спрашиваю я, когда мы спускаемся по лестнице.

Весь вчерашний день был посвящен осмотру школы, тестированию и посещению различных уроков, но ни в одном из них мы не принимали участия.

Лейла качает головой.

– Не считая занятий по ядам, большинство учеников продвинутого уровня не пользуются учебниками и не ведут конспекты. Мы *учимся*.

Следую за ней через вестибюль в сад с лианами.

– Что это значит?

– Почему ты постоянно спрашиваешь меня, что это *значит*? – Лейла награждает меня тем подозрительным взглядом, которым смотрела во время утреннего чаепития. – На твоём месте я бы не делала этого, особенно в присутствии других людей.

Лейла шагает быстро, но я иду с ней в ногу. Она ведет себя так же холодно, как вчера, когда я уселась обедать с Аарьей.

Мы входим в сад для отдыха и едва не врезаемся в двух парней, поглощенных тихой дискуссией. Один из них – самоуверенный лучник с платиновыми волосами, который вчера мне подмигнул. Его приятель – такой же высокий и красивый, а из-под закатанной манжеты его рубашки выглядывает

татуировка в виде плюща. Однако у него не такая доминирующая аура, как у его друга. Достаточно посмотреть на них вместе, и сразу понятно, кто здесь главный.

– А это, значит, новенькая, – протягивает самоуверенный лучник, переводя на меня внимание и широко улыбаясь. У него британский акцент.

Его приятель с татуировкой скрещивает руки на груди.

– Не представишь нас, Лейла? Где твои манеры?

Его выговор похож на французский, и у него мелодичный голос. Не удивилась бы, если бы узнала, что он поет в какой-нибудь группе.

– Брендан, – Лейла указывает на лучника, а потом на парня с французским акцентом, – и Шарль. А это Новембер.

Лейла произносит это без всякого выражения, как будто читает список покупок, просто пытаюсь побыстрее покончить с делами. Замечательно! Я – список покупок.

– Рад познакомиться, вне всякого сомнения, – поклонившись, говорит Брендан, но его доброжелательность кажется какой-то фальшивой. Он совсем не похож на Эша, который постоянно всех оценивает. Дружелюбие Брендана напоминает приманку. – Как тебе первые два дня в Школе Призраков?

– Школа Призраков? – усмехаюсь я. – Умно. Что ж, могу лишь сказать, что еда здесь превосходная... когда не отравлена.

Шарль смеется, но как-то вымученно, и меня не покидает ощущение, будто я танцую какой-то замысловатый танец,

шаги которого мне неизвестны. Я надеюсь, что Лейла хоть как-то намекнет на то, кто такие эти парни, но у нее на лице все то же бесстрастное выражение. Однако, судя по напряженной позе, она хочет убраться от них подальше. А поскольку она этого не делает, могу лишь предположить, что ей неудобно прогонять их.

– Ну, замечательно, короли общаются с ботанами, – недовольно произносит Аарья с американским акцентом, подходя к нам вместе с Инес. – Куда катится мир!

– Это мир, в котором ты ничего не значишь, Аарья, – отвечает Брендан, и я снова слышу жестокую нотку в его жизнерадостном тоне.

– Ой, да ну тебя, – уходя, отмахивается Аарья.

Инес касается ее руки, как будто призывая Аарью остановиться.

Внимательнее приглядываюсь к Брендану и Шарлю. Явно не понимаю их странного воздействия на окружающих. Рядом с этими парнями Лейла вся напряжена, а Инес не хочет, чтобы Аарья с ними ссорилась.

Но Аарья, разумеется, снова поворачивается к нам на пороге.

– Я ничего для тебя не значу, Брендан? Как же мне жить дальше?

– Может, никак, – отвечает Шарль, и, в отличие от Брендана, в его голосе явственно слышится угроза.

Аарья закатывает глаза и заходит в помещение, как будто

ничего не произошло, но Инес хмурится.

Воспользовавшись тем, что они отвлеклись, Лейла уходит, а я за ней.

– Все от нас бегут, – вздыхает Шарль, и оба парня хохочут.

Прежде чем мы заходим в здание на другом конце двора, я бросаю беглый взгляд через плечо, и волосы у меня на руках тут же встают дыбом. Брендан и Шарль смотрят прямо на меня. Нутром чую, что если внимание со стороны Аарьи не сулит ничего хорошего, то вот эти взгляды гораздо хуже.

Смотрю на Лейлу с новообретенной признательностью. Пускай она скованная и настороженная, но, в отличие от остальных учеников, она не излучает угрозу.

– Лейла, то, что я сказала вчера ночью... о том, что ты была права насчет Аарьи, – тихо говорю я.

Лейла осматривает вестибюль со щитами, но поблизости никого нет.

Я не повышаю голоса.

– Я просто хотела сказать, что еще не все здесь понимаю. И да, я действительно задаю слишком много вопросов. Но я постараюсь не отставать. Я понимаю, почему ты сочла меня безрассудной. И... я верна тебе. На сто процентов. – Внутренне вздрагиваю, вспомнив о том, что Эш говорил насчет моей импульсивной лояльности. Но такова уж я. Не предаю друзей, даже совсем новых.

Лейла смотрит на меня, и, клянусь, я замечаю тень уязвимости в ее каменном лице.

– Я просто хочу, чтобы ты знала: я тебя *слушаю*, – продолжаю я. – И благодарна за то, что ты тратишь свое время, чтобы все в подробностях мне объяснить.

Она быстро кивает, и я вижу, что ее лицо немного смягчилось.

Мы молча идем к обеденному залу. И тут Лейла небрежно произносит:

– Эш рассказал мне про Феликса и вилку, – она мельком глядит на меня.

Я улыбаюсь, распознав по ее словам, что она приняла мои извинения. Делаю шаг поближе к ней и шепчу:

– Какова вероятность, что Феликс знал об обыске вчера ночью?

– Хотелось бы сказать, что знал, – отвечает она. – Потому что это подозрительное совпадение, а если у нас тут чего *не бывает*, так это совпадений. Но узнать об обыске он мог, только если ему об этом рассказал кто-то из персонала, а это запрещено. Разве что он подслушал то, чего не должен был слышать. Даже не знаю...

Я киваю.

– А что с Инес? Какое отношение она имеет к Аарье и Феликсу?

– Инес – соседка Аарьи по комнате, – говорит Лейла, останавливаясь перед дверью в обеденный зал. – А еще она – одна из лучших тактиков среди учеников этой школы, но она не разговаривает ни с кем, кроме Аарьи и Феликса. В основ-

ном с Аарьей. Скорее всего, это правильно.

Хочу спросить, что она имеет в виду, но Лейла открывает дверь, и я следую за ней. Обеденный зал во время завтрака совсем не похож на обеденный зал во время обеда или ужина. Здесь почти оживленно. Ученики собрались группами, и местами даже слышен тихий смех. Объясняю это тем, что учительский стол пуст.

Проходя между столами, замечаю, как за нами наблюдают два парня – один высокий и широкоплечий, другой длинноволосый. Они обмениваются парой слов, и мне ясно, что предмет разговора – я.

Когда мы проходим мимо широкоплечего парня, его стул двигается назад и ударяет меня по ноге. Его длинноволосый приятель, который сидит напротив, усмехается.

– Ой! Осторожнее, – говорю я, потирая ногу.

Широкоплечий встает. Он выше меня на добрых шесть дюймов.

– Я ж не виноват, что у тебя плохие рефлексy.

У него такой же итальянский акцент, как у моей тети Джо, а в тоне слышится скрытая угроза.

Очевидно, Лейла это тоже услышала, потому что она переводит взгляд с меня на него, как будто пытается в чем-то разобраться.

– А *она* не виновата, что ты такой огромный, что не умещаешься на стуле, Маттео, – спокойно говорит она.

От удивления у меня глаза на лоб лезут. Лейла ни слова не

сказала ни Аарье, ни Брендану с Шарлем, но готова ввязаться в спор с этим гигантом? «Маттео, – думаю я. – В переводе с итальянского – *дар божий* или, как ни странно, *сборщик налогов*».

Он игриво изгибает бровь, глядя на Лейлу, но, когда снова поворачивается ко мне, его взгляд делается жестким. Такое ощущение, что он знает что-то, чего не знаю я, и ему это не нравится. Тот еще дар божий. Этот парень уж точно сборщик налогов.

– Тебе повезло, что ты с Лейлой.

– Я знаю, – непринужденно соглашаюсь я, и на лице Лейлы проскальзывает одобрение.

Парень проходит мимо, задевая меня плечом с такой силой, что я отшатываюсь.

– Он много грозит, да мало вредит.

– Понятно, – говорю я, глядя Маттео вслед и делая вид, что меня это мало беспокоит. – Но откуда такая враждебность?

Поворачиваюсь назад к Лейле, но она идет дальше, и мне приходится прибавить шаг, чтобы поспеть за ней.

– Тебя все проверяют, – говорит Лейла. – Подожди пару месяцев.

Она останавливается возле стула напротив ее брата. Мне, как всегда, трудно встречаться с ним взглядом. Шумно выдыхаю. *Месяцев? Ни за что!* В голове снова звучит разговор с Эшем о том, что никто не уезжает домой на праздники, и

моя тревога усиливается. Мне немедленно нужно подышать воздухом и немного подумать там, где меня никто не побеспокоит.

– Здесь есть туалет? – спрашиваю я у Лейлы.

– Через дверь направо.

Иду назад между столами, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, чтобы не спровоцировать очередной всплеск агрессии. Никогда себя так не чувствовала. В моем родном городе все очень приветливые. У меня в школе все дружелюбные. Наверное, я знаю имя и адрес каждого человека в Пембруке, а также в курсе, какую пиццу любит каждый из них.

Открываю дверь и тихо выскальзываю в коридор, отдаляясь от охранника, который стоит возле входа в обеденный зал. На секунду прислоняюсь к каменной стене и закрываю глаза. Впервые в жизни я не испытываю восторга по поводу знакомства с новыми людьми, впервые хочу быть *подальше* от толпы, а не в самой ее гуще. Может, выйти на улицу, посидеть немного в саду? Качаю головой. Это займет слишком много времени, а Лейла наверняка психанет, что я нарушаю ее расписание.

Скрипит дверь, и я поспешно открываю глаза, услышав этот звук.

– Черт, – выдыхаю я.

Из туалета (судя по всему) выходит Маттео. Увидев меня, он прищуривается. Наверное, думает, что я пошла за ним



специально, но, если стану это отрицать, он лишь укрепитесь во мнении, что это так.

– Ты на нее похожа, – с отвращением говорит он намеренно тихим голосом, чтобы охранник перед входом в обеденный зал не услышал.

У меня колотится сердце. Вообразить не могу, на кого из его знакомых я могу быть похожа. Единственный человек, с которым меня когда-либо сравнивали, это моя мама. По словам папы, я ее точная копия. Но откуда Маттео об этом знать?

– Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. – Подражая Лейле, говорю я твердым нейтральным тоном и мысленно повторяю ее слова: *он тебя просто испытывает*.

Маттео разглядывает мое лицо, как будто что-то ищет. Может, опровержение?

– Ты поступила глупо, приехав сюда. А идти за мной в этот коридор было еще глупее.

Стискиваю кулаки.

– Я не...

Но не успеваю ничего возразить, потому что вижу, как огромный кулак размером с грейпфрут приближается к моему лицу. От мощного удара по скуле у меня как будто содрагается весь череп. Врезаюсь в стену и сползаю на пол.

Сразу поднимаю руки к лицу. Левая щека горит огнем. Слышу, как по каменному полу стучат сапоги приближающегося охранника. Нос у меня пока не кровоточит, так что

думаю, он не сломан, но боль невыносимая, и по левой щеке непроизвольно катятся слезы.

Здоровым глазом смотрю на Маттео. Его сдерживает охранник, заведя ему руки за спину, а в коридоре уже собирается толпа выбежавших из обеденного зала учеников. Охранник оттаскивает Маттео от меня. Тот не сопротивляется.

Поддерживая меня за руку, Лейла помогает мне подняться. По ее глазам вижу, что она обеспокоена и хочет что-то сказать, но не произносит ни слова. Я опираюсь о стену. Голова пульсирует от боли, как будто ее используют вместо барабана. Хочу накричать на Маттео, но в горле комок, и боюсь, что если открою рот, то разревусь от злости.

Толпа расступается, пропуская директора Блэквуд. Она переводит взгляд с меня на Маттео, как будто пытается что-то вычислить по языку наших тел.

– На колени, – велит Блэквуд, и охранник толкает Маттео вниз. – Ну, давай! – обращается ко мне она.

Никаких там «С тобой все в порядке?» или «Вижу, тебе врезал парень вдвое больше тебя – наверное, нужно отвести тебя к врачу».

Я в ужасе таращусь на нее.

– Давай? – переспрашиваю я.

– Око за око, я же предупреждала, – поясняет Блэквуд, выжидающе глядя на меня. – Хотя я не ожидала, что это будет буквально или случится так скоро.

Это не просто странная школа с жутковатыми правилами. Здесь люди жестоки, даже те, кто обязан регулировать закон и порядок.

– Вы хотите, чтобы я ударила его по лицу? – От изумления у меня срывается голос.

– Давай! – кричит Аарья откуда-то из толпы.

Я замечаю светлые волосы Брендана. Они с Шарлем с интересом наблюдают за ходом событий.

Меня мутит. Блэквуд поднимает руку, и Аарья затыкается. Смотрю на Маттео. Тот выглядит спокойным, как будто сделал именно то, что ему было нужно.

– Э... ну... – заикаюсь я. Я все еще в шоке.

– Ну же, поскорее, – торопит меня Блэквуд, и я поверить не могу, как снисходительно она себя ведет.

– Я... Я не буду его бить, – мямлю я и чувствую всеобщее удивление.

Никогда в жизни я никого не била по лицу и уж *точно* не собираюсь начинать с парня, чье лицо, по-моему, причинит больший вред моей руке, чем наоборот.

– Ты считаешь, что правила на тебя не распространяются? – спрашивает Блэквуд.

– Я этого не говорила. Просто... Что это докажет, если я его ударю? – Задумавшись об этом, я сама нахожу ответ. – Настоящая проблема в том, что он *первый* ударил меня, а не в том, что я не хочу бить его в ответ.

Я хотела бы прямо сказать ей, что думаю обо всех этих

учениках и их «испытаниях», а также о ее устаревшей системе наказаний, но меня переполняют эмоции, и я не могу достаточно ясно мыслить, чтобы высказать все это, не показав, насколько я испугана.

Блэквуд поднимает голову и повышает голос:

– Очевидно, Новембер считает, что возмездие ниже ее достоинства. Так что если кому-то из вас хочется выпустить пар, она легкая мишень. Она не даст сдачи.

В ошеломлении раскрываю рот. На мгновение мне кажется, что у меня слуховые галлюцинации. Она что, действительно только что объявила всем ученикам, что меня можно *бить*? Грудь сдавливает отчаяние, а к горлу подступает ком. Теперь я понимаю, что имел в виду Коннер, говоря, что я могу здесь не выжить. Встречаюсь взглядом с Лейлой в толпе, и она хмурится.

Все это время Маттео не сводит с меня глаз. Сейчас он шепчет:

– Я же говорил, что ты дура...

Мне и без того тяжело дышать, а в груди закипает ярость. Я злюсь, что меня ударили, что я не понимаю ничего с тех пор, как переступила порог этой школы, что я вообще здесь. Это самая безумная школа в мире.

– Это твой единственный шанс, Новембер, – говорит Блэквуд, как будто я, возможно, не поняла, что она мне предлагает.

Делаю шаг вперед. Нельзя допустить, чтобы окружающие

думали, что могут колотить меня, когда им заблагорассудится. Уверена, человек шесть уже готовы использовать этот шанс. Но я также не могу поверить, что оказалась в ситуации, когда меня побуждают ударить другого ученика, а делает это директор школы. Единственное, чего мне сейчас хочется, это уйти и улететь прямиком в Пембрук.

Отвожу руку назад, кулак у меня дрожит.

Маттео смеется, и этот звук задевает мой последний нерв. Единственное, что хуже незаслуженного избиения, это когда над тобой смеются на глазах у всей школы.

«К черту!» Делаю шаг вперед левой ногой, правую отвожу назад и со всей силы бью его по яйцам.

Выпучив глаза, Маттео хрипит и падает на пол. Блэквуд изгибает бровь.

– Я поскользнулась, – резко говорю я.

– Что ж, теперь вы свели счеты. Больше никакого ответного возмездия. Повторяю: *никакого*. На этом все. Вы квиты.

– Ясно, – говорю я, хотя мне ничего не ясно.

Все сразу приходят в движение, как будто нажали на кнопку выключателя.

– Это была твоя третья метка, Маттео. После занятий зайди ко мне в кабинет, – приказывает Блэквуд.

Он встает, и я инстинктивно отступаю.

– Давай-ка сходим к врачу, – предлагает Лейла.

Маттео проходит мимо, и Эш что-то говорит ему, но я не слышу слов.

## Глава восьмая

Поздно вечером сижу возле камина у нас в гостиной на древнем по виду ковре с растительным орнаментом. Смотрю, как огонь с треском лижет поленья, и, подняв руку, осторожно прикасаюсь к ушибленному глазу. Примочка с резким запахом, которую медсестра целый день продержала у меня на лице, сняла отек, но я уверена, что синяк будет украшать мою физиономию еще недели две. Если раньше люди не перешептывались у меня за спиной, то теперь точно начнут.

Я решила завтра поговорить с Блэквуд. Может, здесь и нет телефона, но должен же быть какой-то способ связаться с папой. Он ни за что не захочет, чтобы я оставалась в школе, где ученики нападают на меня посреди коридора, а учителя ждут, что я дам им сдачи.

Бросаю взгляд на часы из темного дерева на каминной полке. Они напоминают часы с кукушкой, но кукушки я не вижу. Сейчас одиннадцать пятьдесят четыре. Я уверена, что тайком выбираться из комнаты сейчас – не самая лучшая идея, но я также уверена, что меня ударили по какой-то таинственной причине, и, если я не встречу с Эшем, то, наверное, никогда не узнаю правду об этом кошмарном месте.

Дверь в комнату Лейлы приоткрывается впервые за весь вечер. Похоже, она избегала встреч со мной, остается только надеяться, что она не решила, будто от меня одни неприят-

ности.

– Я не знала, что он так поступит, – тихо говорит она.

– Ты о чем? – спрашиваю я, поворачиваясь к ней.

Она держит дверь открытой, но в гостиную не выходит.

– Я просто хочу, чтобы ты знала: когда я сказала, что Матео много грозит, я понятия не имела, что он тебя ударит.

Хмурю брови, отчего разбитое лицо болит еще сильнее.

– Я и не думала, что ты знала.

– Я не знала, – решительно повторяет она и выдыхает.

– А ты знаешь, почему он это сделал? – осторожно спрашиваю я.

Она качает головой. Ее волосы мерцают в свете огня.

– Ладно... спокойной ночи, – говорит она и скрывается у себя в спальне, прежде чем я успеваю вставить хоть слово.

Несколько секунд смотрю на закрытую дверь ее комнаты. Хотя я знакома с Лейлой недолго, но уже могу сказать, что это вся информация, которую она готова дать мне, а может, даже вся информация, которой она располагает.

На часах одиннадцать пятьдесят девять. С сомнением стучу пальцами по ковру, потом резко вскакиваю с пола. Не буду я просто сидеть и ждать, пока меня еще кто-нибудь избьет. Я должна получить ответы на кое-какие вопросы.

Натягиваю сапоги и накидываю на плечи мантию. Она тяжелая, но зато черная и поможет мне оставаться незаметной при неярком освещении. Как можно тише приподнимаю дверную щеколду и отворяю дверь. В коридоре пусто. Ти-

шина. Выскальзываю наружу, осторожно прикрывая за собой дверь, и иду по коридору. Останавливаюсь у лестницы и смотрю вниз. Повсюду темно, не слышно ни малейшего движения. Хотелось бы еще, чтобы мое сердце заткнулось и его бешеные удары не мешали мне лучше слышать.

Быстро шагаю, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к движениям охранников. Пробираюсь вдоль стены к входу на первом этаже. Хватаюсь за холодный камень и беспокойно выглядываю через арку. Перед дверью в сад с лианами стоит охранник. У них вообще была смена караула?

Когда отдаляюсь от арки, задеваю что-то плечом. Открываю рот, но не успеваю издать ни звука, как вдруг кто-то зажимает мне рот и разворачивает меня. На мгновение меня охватывает паника, но потом я вижу Эша, который смотрит на меня в почти непроглядной тьме. Он так близко, что я чувствую запах камина, исходящий от его мантии. Он прижимает палец к губам и указывает в сторону выхода. Мы оба поворачиваемся как раз в тот момент, когда охранник открывает дверь, ведущую в тот самый двор, где мы условились встретиться.

Эш поднимает руку и поочередно сгибает по одному пальцу. *Пять, четыре, три, два, один.* Быстрыми шагами он молча идет прямо к двери. Ох, все-таки это была *ужасная* идея! Поверить не могу, что я это делаю. Эш останавливается посреди вестибюля и требовательно глядит на меня. Наверху, кажется, в следующем пролете кто-то откашливается.



«Черт, еще один охранник!»

Выбегаю с лестничной клетки и несусь к двери с такой скоростью, как будто на мне вспыхнула одежда. Эш осторожно приподнимает щеколду, и мы выскальзываем наружу. Дверь во двор закрывается как раз в тот момент, когда другой охранник выходит с той самой лестничной клетки, где мы только что были.

Эш хватается меня за плечи и останавливает, прежде чем я успеваю сделать очередной шаг. Я совсем ничего не вижу и не смею пошевелиться.

Эш берет меня за руку и поднимает ее. Касаюсь пальцами ткани, напоминающей материал светомаскировочных штор, которые висят здесь на каждом окне. Видимо, по ночам их натягивают и на дверные проемы, чтобы скрыть свет, который может быть замечен, когда охранники ходят туда-сюда.

Несколько долгих секунд мы стоим на месте, пока Эш наконец не отодвигает ткань. Сквозь ветви деревьев струится тусклый свет луны, и я немного расслабляю напряженные плечи. На улице холодно, но запах деревьев кажется ободряюще знакомым.

Мне приходится бежать, чтобы угнаться за Эшем, который лавирует между низко висящими лианами. Он останавливается перед невероятно огромным стволом на противоположной стороне двора и начинает карабкаться по лиане. Наблюдаю за тем, как он подтягивается, забираясь на ветку футов в двадцати у меня над головой. Надо признать, вы-

глядит впечатляюще. Лезу за ним наверх. Он подает мне руку, но я качаю головой и забираюсь на ветку рядом с ним. Он внимательно осматривает окружающие деревья, переводит взгляд обратно на меня, и мы снова карабкаемся вверх — все выше и выше.

Почти на самом верху он останавливается возле двух толстых веток, образующих подобие скамьи в небе. Нижняя достаточно широка, чтобы сидеть на ней, скрестив ноги. Усаживаюсь и прислоняюсь к стволу. Эш свешивает ноги вниз и болтает ими, как будто это самое удобное положение, в котором он когда-либо сидел. Если бы я встретила в Пембруке парня, который умел бы лазить по деревьям и стрелять из лука так, как Эш, не говоря уж о его красоте и элегантности, я бы не задумываясь сделала ему предложение. И почему все самые классные парни оказываются жутковатыми наемными убийцами-аналитиками из Старого Света? Это одна из тех тайн, которые, наверное, не поддаются разгадке.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.